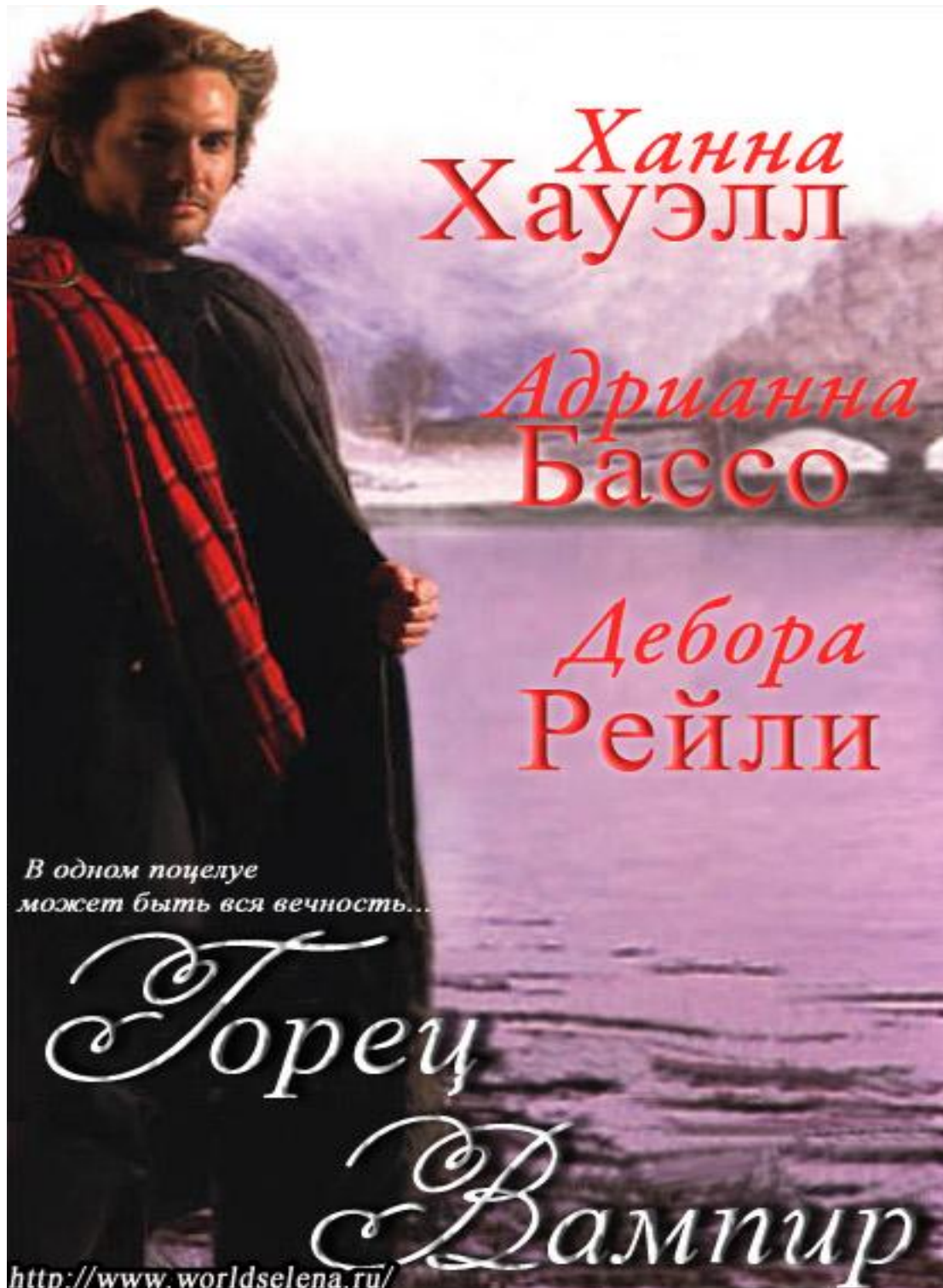

ПОЦЕЛУЙ ВАМПИРА

Ханна Хауэлл

Оригинальное название: «Kiss of the Vampire», 2005г.

Перевод: Fidelity, BittersweetSpell, Такиома

Коррекция: Lacrima, BittersweetSpell, Valija

Вычитка: Yurkina, Nikita

Аннотация

Приехав к королевскому двору в поисках правды о своем наследии, Дженкин МакНахтон обнаруживает то, чего не ожидал никак: – настоящую страсть. Эфрика Каллан – красивая и невинная девушка с храбрым сердцем. Она отвергает всех мужчин, посягающих на ее приданое, но все, что может предложить Дженкин своему прекрасному созданию, порожденному светом, – это жизнь в темноте; и в его объятиях...

Глава 1

Шотландия, весна 1478 г.

...Солнце сядет через пару часов, подумал Дженкин, присаживаясь на край узкого стреловидного оконца, расположенного в глубокой каменной нише. Когда солнце находилось в этой точке неба, он мог безо всякой опаски смотреть на сады внизу. Он поморщился, подумав о том, как его задразнят, если кто-нибудь узнает о его любви к цветам. МакНахтон – и любитель цветов? Дженкин так и видел, как его родственники катаются по полу, обессилев от хохота.

Довольно трогательно, задумчиво сказал он себе, делая глубокий вдох и наслаждаясь ароматом примул, колокольчиков и мускусных роз. Сад пышно цвел в лучах солнца. Он жил в тених. Возможно, в нем говорила скорее зависть, чем восхищение. Какая-то его часть жаждала случая повернуться лицом к солнечным лучам и насладиться ощущением их тепла на своей коже. Это удовольствие стало бы последним, если бы хватило на него безумия, но бывали моменты, когда искушение становилось почти невыносимым.

В дверь тихонько постучали, женщина позвала его по имени, но он не обратил на нее внимания. Это вдвойне удивило бы и позабавило его родственников. Впервые прибыв к королевскому двору, он откровенно потворствовал своей похоти с женщинами, собравшимися там, но эта игра его больше не интересовала. Равно как и они сами. Дженкину надоело быть темным, загадочным любовником, которым женщины могли похвастаться перед своими друзьями. В их неводержанности крылась опасность, ведь разговоры будили не только любопытство, но и ревность. К тому же, он просто устал от мимолетных, пустых страстей, устал спать с женщинами, которые вовсе не хотели узнать его лучше, а если бы захотели – с воплями устремились бы из его объятий.

Пора было уезжать, но он не мог заставить себя вернуться к утешительным тенистым глубинам Кембрана. Он всё ещё не нашел подходящей супруги для своего сына Дэвида и, к тому же, не закончил свою работу. Рождённый Посторонней, Дэвид мог вести почти обычную нормальную жизнь, и Дженкин намеревался обеспечить ее, насколько мог. Кроме того, появились верные признаки того, что именно здесь ему предстоит выяснить, почему он, – возникло такое подозрение, – не был чистокровным МакНахтоном, как всегда полагал.

— Ты уверен, что она сюда придет?

Дженкин бросил раздраженный взгляд на человека, прервавшего спокойный ход его мыслей. Он узнал в молодом, изящно одетом мужчине сэра Лаклейна Армстронга. Обеднев, тот владел теперь лишь жалким, ничтожным земельным наделом. Его спутником был Томас Олифант, младший сын лэрда, у которого было много сыновей и мало денег. Всем было

известно, что мужчина из этой семьи не составит женщине хорошей партии. Дженкин напрягся: что-то в этих людях заставляло думать, будто они на охоте, и хотелось бы знать, какая девушка была ее целью.

— Придет, Том, придет, — ответил Лаклейн. — Я просил Элеонор передать ей, что розы цветут. Девочка любит цветы.

— Ну да, любит, но кто поручится, что она придет именно сегодня? Отчего бы ей не прийти завтра?

— Нет, она скоро будет здесь. Еще до заката. Элеонор сказала ей, будто Старина Роб, мастер предсказывать погоду, поговаривал, что приближается страшная буря, которая точно поломаёт все цветы. Девочке не захочется рисковать, они в самой поре. Вдруг не увидит.

— Это ты умно.

Они замолчали, и Дженкин удивился, с чего бы Элеонор помогать этим дуракам. Так как эти двое мужчин лишь в малой степени могли послужить удовлетворению её похоти, ему пришло на ум, что Элеонор не нравилась девушка, которую она послала в эту ловушку. Тому могло быть много причин, но, зная Элеонор — а он, увы, знал — Дженкин заподозрил, что намеченная жертва молода и красива. Элеонор не нравилось, когда какая-нибудь другая женщина в ущерб ей притягивала к себе мужское внимание. Девушка, должно быть, приехала недавно, в последние две недели, когда Дженкин отрешился от придворных интриг — и политических, и сексуальных. И дражайшая Элеонор была одной из причин его добровольной самоизоляции.

— Вон у той рябины хорошо бы ее подождать, — сказал Лаклейн, уже шагая туда.

— У меня вопрос по поводу плана, — спросил Томас, догоняя друга. — Кто из нас ее возьмет?

— Мы оба ее возьмем, но женится на ней тот, кому достанется первая кровь.

— И оставит друга с пустым кошельком, клочком земли, а то и вовсе без него, и нуждой в жене с хорошим приданым.

— Нет-нет! У девочки есть чем поделиться, чтобы потом было проще добыть богатую невесту. Идёт?

— Уговорил.

Сволочи, подумал Дженкин. Слухи о том, что за красивой одеждой и сладкими физиономиями этой парочки скрывалась бессердечная жестокость, оказались истинной правдой. Дженкин смотрел на солнце и понимал, что не сможет выступить в роли храброго

спасителя. Самое большее, что он мог сделать — это подать голос, дать мерзавцам понять, что их вероломство не осталось незамеченным. Но в этом было мало проку: находясь в саду, они не видели бы в нём для себя ни малейшей опасности, не в силах представить, чтобы человек мог спрыгнуть с такой высоты и остался в живых.

Через некоторое время оба мужчины насторожились и отошли глубже в тень дерева. Дженкин понял, что жертва вошла в сад, и стал ждать вместе с ними. Когда женщина подошла достаточно близко, чтобы он смог ее разглядеть, Дженкин чуть не упал со своей верхотуры. Он с легкостью узнал эту чувственную манеру двигаться и стройный силуэт молодой женщины. Её длинные, густые волосы золотисто-медового цвета колыхались на каждом шагу, добавляя ей очарования. Они не виделись около трех лет, но он вспомнил ее в ту же секунду. Мужчины, затаившиеся у рябины, собирались напасть на свояченицу его лэрда. Потрясенный, он упустил шанс предупредить ее и тихо ругнулся.

Первым импульсом было взреветь от ярости и броситься на них, но он усмирил свой гнев. Эфрика не отличалась ни глупостью, ни беспомощностью. Кроме того, нельзя было забывать о солнце. Стиснув кулаки, он выжидал.

— Вот так встреча, моя госпожа, — сказал Лаклейн, преграждая ей путь. Томас плавно обошёл ее и встал позади.

— Возможно, я ошибаюсь, но мне не кажется, что вы пришли сюда любоваться цветами, — промолвила Эфрика.

Дженкин заметил, как ее стройное гибкое тело едва различимо сместилось: девушка приготовилась к нападению.

— Уж лучше мы выразим тебе свое восхищение.

— В другой раз, если не возражаете.

От страха у Эфрики в жилах застыла кровь, но она заставила себя не думать об этом. Страх затмевает разум, а это как раз то, что сейчас ей крайне понадобится. Она собиралась выскользнуть из этой ловушки, но так, чтобы не вызвать лишних вопросов. Девушка чужала их похоть. В душе поднимались ужас и отвращение. Нетрудно было догадаться, чего они хотели: насилие, затем брак по принуждению. Этот ход она должна была предвидеть, помня ярость, с которой они встречали её непреклонный, хотя и вежливый, отказ отвечать на их внимание.

Эфрика двинулась к выходу из сада, но Лаклейн схватил ее за руку.

— Отпусти, — прошипела она и увидела любопытство в глазах мужчин. — Сейчас же.

— Какая страсть, — растягивая слова, произнес Лаклейн. — Ты всегда такая горячая?

— А ты всегда тащишь с собой еще одного дурака, чтобы справиться с девушкой намного слабее себя?

Оскорбление было неудачной затеей, поняла Эфрика, видя, как краснеет от гнева его лицо.

Едва познакомившись с ними, она почувствовала, что за пышными придворными одеяниями кроются бессердечные твари. Ей было приятно сознавать, что её оценка оказалась верна, но лучше бы насладиться этим скромным удовольствием в безопасности стен своих комнат или растворившись в гуще толпы.

Чтобы защитить себя должным образом, ей пришлось бы сбросить ту маску, которую она носила при дворе. Образ благородной и вежливой леди, которую она играла перед другими, пользы ей не принесет. К несчастью, покажи она свой истинный нрав слишком открыто, это могло привлечь излишнее внимание, в котором таились свои опасности.

— На ухаживание ты отвечаешь холодным презрением, — сказал Томас. — Неразумно так издеваться над гордостью мужчины.

— Сомневаюсь, что ваши намерения можно назвать ухаживанием, — резко ответила Эфрика, слегка развернувшись в слабой надежде, что сможет избежать захвата. — Самое время остановиться и подумать о последствиях.

— Последствием будет то, что ты выйдешь замуж за одного из нас. Других быть не может.

— Не может? А как насчет гнева моих родственников?

Лаклейн фыркнул с явным презрением.

— Калланы? Жалкий клан, который прячется в своих угодьях, копя деньжата? Что ж, пришло время поделиться с теми, кто знает, что с ними делать.

Эфрика поспешно заглушила низкий, свирепый рык, готовый вырваться из горла в ответ на оскорбление ее клана.

— Тратить на бесполезные наряды и драгоценности для неверных жен и проституток? Да я лучше выброшу деньги в море.

— Ты здесь уже дней десять как муженька себе присматриваешь. Вот мы и решили, что самое время обзавестись им.

— Вы что – подбросили монетку, чтобы решить, кто из вас будет муженьком, да?

— Нет, милашка, мы хотим подбросить тебя, а награда достанется тому, кто первый в тебя войдет, — Лаклейн холодно улыбнулся, пытаясь притянуть ее к себе. — Да-да, моя радость, ты достанешься тому, кто пустит тебе кровь.

— О, вот как? — Эфрика согнула пальцы.

— И надеюсь, им буду я.

Дженкин содрогнулся, когда она полоснула ногтями по лицу Лаклейна: он помнил, как остры могут быть длинные изящные ногти женщины из клана Каллан. Лаклейну ещё повезло, что глаза остались целы. Дженкин даже заподозрил, что Эфрика смягчила свой удар и лишь слегка оцарапала кожу Лаклейна, потому что крови было немного, да и сами порезы на щеках не выглядели глубокими. Дженкин почувствовал, как застарелый голод шевельнулся в нем при запахе свежей теплой крови, смешавшимся с легким благоуханием цветов, но он приказал себе забыть об этом, сосредоточившись на разворачивающейся внизу схватке.

Какой-то его части по-прежнему хотелось взречь и немедленно остановить насилие, которое чинили над Эфрикой, но он продолжал сдерживаться. Будет лучше, если она справится с ними на свой лад. Эфрика была ловкой, сильной и хитрой. Возможно, этого хватит, чтобы вырваться из ловушки. Меньше всего ей нужно было привлекать к себе чрезмерное внимание, и у неё хватало ума, чтобы понимать это. Освободись она сейчас, никто о случившемся не узнает. Неудавшиеся насильники болтать не будут, это уж точно. А если вмешается он, без разницы как, бесчинство получит огласку. Не исключено даже, что парни попробуют использовать его нечаянное свидетельство, чтобы принудить Эфрику к свадьбе, которой она явно не желала.

Двигаясь с чувственным проворством, впечатлившим Дженкина, Эфрика сумела уклониться от захвата обоих мужчин. Но вскоре стало ясно, что это ее не спасет. Для мужчин, погрязших в лени и потакавших себе во всевозможных пороках, Лаклейн и Томас действовали на удивление быстро и умело. В душе Дженкина шевельнулось тревожное чувство, что эта жестокая игра велась ими не впервой.

Раздумывая о том, как положить этому конец и не раскрыть при этом своих секретов и тайны Эфрики, Дженкин заметил, что удача покинула девушку. Гнев всё сильнее нарастал в нём – и когда они гнались за ней, и когда пресекали ее попытки бежать, и когда дотрагивались до нее. С женщиной так обращаться нельзя. Тот факт, что Эфрика была связана с его кланом через брак своей сестры, усугублял ситуацию, делая её не только преступлением, но и личным оскорблением. Дженкин не был уверен в причинах, но то, что это была именно Эфрика, заставляло его свирепеть ещё больше.

И тут они швырнули ее на землю. Томас придавил к земле её руки, присев возле головы. Лаклейн же быстро навалился на нее, удерживая своим телом и не давая даже двинуться.

Дженкин позабыл обо всех тайнах, которые нужно было хранить; не думал он и о том, что Эфрика может почувствовать себя униженной, если ее увидят в столь оскорбительном положении. Даже солнце вылетело у него из головы. Утробное рычание вырвалось из его глотки, когда он прыгнул вниз.

Эфрика прошипела проклятие, когда Лаклейн увернулся от ее пинков и прижал ее к земле. От страха она почувствовала горечь во рту, но извивалась, продолжая бороться. Хотя поведение мужчин беспокоило ее с самого начала, она никак не могла подумать, что они способны на такую жестокость. Может, это и было грубой попыткой заставить ее выйти замуж за одного из них, но она была абсолютно уверена в том, что они оба собирались ее изнасиловать. Возникла мысль, что они уже договорились, как делить ее приданое сразу после того, как священник отдаст ее в жены тому или другому.

— Так, радость моя, похоже, приз выиграю я, — сказал Лаклейн, задирая ее юбки.

— Только попробуй – и всё что ты выиграешь – глубокую могилу, — огрызнулась она. — За это ты умрешь!

— Да, девочка, умрут. Оба.

Злоумышленники едва успели в изумлении насторожиться при звуке этого сильного глубокого голоса, как Эфрика вдруг оказалась свободной. Она подняла голову и увидела, как Лаклейна, а затем и Томаса швырнуло через весь сад и они врезались в землю прямо под деревом. Ещё мгновение – и она узнала человека, который шагал к оглушённым, тихо стоnavшим негодяям. Дженкин МакНахтон был здесь: и не во сне, а наяву, и он буквально пламенел от ярости. Вспомнив, что такое состояние способно сотворить с МакНахтоном, Эфрика вскочила на ноги и бросилась к нему, когда тот схватил обоих мужчин за отвороты их камзолов и поднял вверх.

— Нет, — сказала она, проскользнув у него под локтём и кладя руку ему на грудь. — Только не убивай их.

Дженкин посмотрел на нее сверху вниз, и ее сердце екнуло. Утончённые черты его лица исказились, придавая ему вселяющий ужас свирепый вид. Его золотые глаза стали глазами хищника. Он держал неудавшихся насильников в нескольких дюймах над землёй так, будто те вообще ничего не весили. Затем постепенно его ярость начала ослабевать, лицо немного разгладилось, рычание, которое искривило его чувственный рот, стихло.

— Лучше оставь их где-нибудь на видном месте. И, где у них хватит соображения, чтобы открыть глаза.

— Это запросто.

Эфрика вздрогнула, увидев, как он столкнул их лбами и бросил обратно на землю. Взглянув на своих обидчиков, она поняла, что, судя по всему, они ещё не скоро будут в состоянии что-либо видеть. Она повернулась к Дженкину, чтобы спросить, откуда он взялся, когда тот зашатался.

— Что такое? — требовательно спросила девушка, обхватывая рукой его за талию, чтобы помочь ему удержаться на ногах.

— Солнце еще не село, — слабым голосом ответил он.

Эфрике хватило мгновения, чтобы понять значение этих слов. Она пробормотала проклятие и повела его к замку. Оказавшись внутри его прочных стен, Дженкин немного оправился и смог внятно ответить на ее просьбу и объяснить, где находятся его покои. Но, когда они добрались до них, девушка уже почти полностью держала на себе его вес. Упав без сил на кровать, Дженкин шепотом попросил вина. Наполняя кружку, Эфрика по запаху напитка смогла понять, почему он попросил именно этот напиток. И это очень чётко напомнило ей то, кем, по сути, являлись МакНахтоны.

Опустошив вторую кружку, Дженкин уснул. Эфрика стояла у кровати и внимательно разглядывала его. Цвет его кожи немного улучшился, и, спящий, он снова стал тем притягательным загадочным мужчиной, которого она помнила все эти три года. Она вздохнула и тряхнула головой. Этот мужчина, молниеносно появившийся, чтобы спасти ее, разбросавший ее насильников, словно котят, готовый убить этих двух человек, оказался бессилен перед слабыми лучами заходящего солнца.

— Мой герой, — прошептала она и отправилась на поиски стула, чтобы присмотреть за Дженкином, пока он не придет в себя.

Глава 2

Эфрика слабо улыбнулась, наблюдая, как Лаклейн и Томас помогают друг другу подняться на ноги. Окинув сад безумными взглядами, они бросились бежать, словно сам дьявол кусал их за задницы. Знай они правду о человеке, который так легко раскидал их, они, вероятно, испугались бы еще сильнее. Хорошо было бы, если проблемы с ними на этом закончатся.

Отойдя от окна, она налила себе немного обычного вина, которое Дженкин держал, видимо для гостей, и снова села возле его кровати. Вскоре появился Дэвид и, узнав, что случилось, предложил посидеть с отцом, но она отправила его заниматься своими делами. Дэвид явно испытывал желание вернуться в большой зал, чтобы поесть вместе с друзьями, а Эфрика предпочла бы некоторое время не попадаться никому на глаза. Меньше всего ей хотелось столкнуться сейчас лицом к лицу с теми, кто на нее напал. Дэвиду поручено было объяснить ситуацию ее кузине — леди Барбаре Мэтсон, так что женщина не станет искать ее или беспокоиться.

Потягивая вино маленькими глоточками, Эфрика снова принялась изучать высокого стройного мужчину, распростертого на кровати. Девушку раздражало сознание того, что её

безрассудная страсть к нему всё ещё не исчезла, несмотря на то, что все эти годы она тщетно старалась задуть её. Глядя на него, её можно было понять: Дженкин был великолепным мужчиной с иссиня-черными волосами и нежной кожей цвета сливок. Длинный прямой нос, высокие скулы и твердый подбородок придавали лицу утонченный, аристократичный вид; золотистые глаза, обрамлённые густыми ресницами, и чувственный рот добавляли теплоты, которой зачастую недоставало его изящно вырезанным чертам. Внешность делала его мечтой любой женщины. И только его сущность заставляла её столь решительно пытаться подавить своё неудержимое влечение к нему. Очевидно, придется приложить к этому больше усилий.

Эфрике давно стоило понять, что ее очарованность Дженкином неизлечима. С той первой встречи в Кембране, когда ей было всего шестнадцать, он вошел в ее грезы, да так там и остался. Приехав ко двору, она узнала о его любовных похождениях, и душевные муки, которые она испытала, должны были послужить ей уроком. Не отдались Дженкин от двора, Эфрика постоянно встречала бы его в компании одной, а то и нескольких женщин, и, – с горечью думалось ей, – без сомнения, страдания стали бы ещё невыносимее. Мириться с этим было нельзя – но вряд ли она могла тут что-то поделать.

Допив вино, Эфрика поудобнее устроилась в кресле и положила ноги на край кровати. Она останется с Дженкином до тех пор, пока тот не поправится в достаточной мере, а потом приложит все силы, чтобы держаться от него подальше. Она не даст своему сердцу попасть в плен к безнравственному распутнику, живущему в тени. Закрыв глаза, девушка добросовестно перечисляла все недостатки Дженкина, пока не уснула.

Дженкин медленно открыл глаза и обнаружил себя в комнате, освещенной единственной свечой, стоящей возле кровати. Секундой позже он вспомнил, отчего лежит в постели и чувствует себя не лучшим образом. Он огляделся и остановил взгляд на паре маленьких ножек в чулках, чьи ступни покоились на краю его кровати. Оценив стройность ножек, почти касавшихся его колена, он взглянул на их спящую обладательницу и усмехнулся. Привольно раскинувшись в просторном кресле и свесив тонкие руки с подлокотников, Эфрика занимала слишком много места для такой миниатюрной женщины. Но и теперь тяжелое кресло с витиеватой резьбой подчеркивало ее хрупкость. Дженкин удивился, как Эфрике удалось передвинуть кресло, но затем вспомнил силу, которую та проявила, помогая ему добраться до комнаты.

Осторожно, стараясь не задеть ее, он сел, опираясь спиной на взбитые подушки. Хотя Эфрика выглядела совсем еще юной, ее черты уже утратили детскую мягкость шестнадцатилетия. Густые золотисто-медовые волосы струились спутанными волнами и ложились на сиденье вокруг узких бедер. Прекрасная кожа слегка золотилась. Тонкие

правильные черты лица казались слегка похожими на кошачьи, но губы были полными и соблазнительными. Даже когда Эфрике было шестнадцать, они могли пробудить в мужчине желание. Теперь, искушающие губы были чуть приоткрыты; девушка тихонько посапывала. А длинная красивая шея лежала так неудобно, что, проснувшись, Эфрика наверняка почувствовала бы боль.

Убеждая себя, что он всего лишь действует ей во благо, стараясь уберечь от некоторого неудобства, Дженкин принялся потихоньку толкать ее ступни своими до тех пор, пока Эфрика не проснулась. Когда она открыла глаза, не сразу пропавшая сонная дымка придала им теплый янтарный оттенок. Он задумался, как бы выглядели ее глаза, затуманенные жаром страсти. Опасные мысли.

— Твои ноги лежат на моей кровати, — сказал он и немного расслабился, когда мягкость в ее глазах мгновенно сменилась раздражением.

— Я сняла туфли, — девушка тут же спустила ноги на пол и потянулась, стараясь избавиться от неприятных ощущений, вызванных сном в кресле.

Дженкин подивился, как ей удалось вложить в такое простое движение столько чувственной грации.

— Спасибо, что не дала мне убить тех двух дураков, хотя они полностью этого заслуживали.

— Да, конечно, но это кончилось бы неприятностями, вызвав вопросы, на которые мы не вправе ответить. И спасибо, что пришел мне на помощь. — Она чуть нахмурилась. — Я удивилась: ты оказался рядом, хотя солнце еще не зашло.

— Я был в нише окна. Неплохое убежище от вечерних лучей. И просто спрыгнул вниз, когда стало ясно, что ты проигрываешь схватку.

Эфрика взглянула на окно, вспомнила, как далеко до земли, и перевела взгляд обратно на Дженкина.

— Несколько опасно.

— Нет. Солнце куда опаснее. Вот почему я медлил, прежде, чем вмешаться, — признался он. — Надеялся, что ты сама справишься.

— Боюсь, у них большой опыт в таких делах, — девушка помрачнела. — Возможно, мне стоило позволить тебе порвать горло обоим. Теперь они придут в себя и снова начнут преследовать женщин.

— Лаклейн не скоро отважится высунуться. Царапины, которыми ты его наградила, за пару минут не вылечишь. — Ненавидя томительную слабость, которая вынуждала его к этому, он попросил: — Не могла бы ты принести мне еще кружку вина?

Эфрика кивнула и отправилась за напитком. Она проклинала тонкость своего обоняния: нельзя было не понять, что вино было обильно сдобрено кровью. Потребность Дженкина в крови была ещё одной из причин, почему она боролась со своим влечением так решительно. Она никогда не переставала удивляться тому, что Бриджет, ее сестра, вышедшая за лэрда МакНахтанов, могла быть так счастлива там, где никогда не бывает солнечного тепла и света, среди людей, которым нужна столь ужасная пища. Конечно, так было потому, что Бриджет любила своего мужа. Эфрика намеревалась избежать этой ловушки, но сердце явно противилось здравому смыслу.

Рука Дженкина слегка подрагивала, когда он взял кружку, и Эфрика поспешила помочь ему. Она положила одну руку на широкие плечи, а другой поддерживала кружку, пока тот пил. Его близость заставляла сердце тяжело биться в груди и горячила кровь.

Говоря себе, что внезапно отстраниться и выбежать из комнаты было бы оскорбительно, Эфрика мысленно молила, чтобы Дженкин не почувствовал ее состояния и поскорее закончил пить.

Напиток быстро привел Дженкина в чувство, и с тем большей остротой он почувствовал близость стройного, теплого тела девушки. Допивая вино, он медленно вдыхал ее запах: пьянящую смесь чистой кожи, женщины и тонкой нотки лаванды. Дженкина влекло к Эфрике с той самой секунды, как он впервые взглянул на нее, и это влечение быстро ломало все его собственные ограничения.

Всего лишь один короткий поцелуй, подумал мужчина, скользнув рукой вокруг тонкой талии. Всего лишь один глоток того, чего он так долго ждал, но не надеялся получить. И придется его украсть, потому что она уже приготовилась уйти. Дженкин быстро допил вино, отставил кружку и притянул Эфрику к себе на кровать так стремительно, что она просто не успела сбежать.

— Что ты делаешь? — настойчиво спросила она, строго приказывая себе освободиться и понимая, что не способна подчиниться этому разумному совету.

— Не хочешь ли отблагодарить своего галантного спасителя кое-чем чуточку теплее слов? — спросил он.

— Думаю, это было бы весьма неблагоприятно.

— Наверное, ты права.

Однако, вместо того, чтобы отпустить, он обхватил ее второй рукой и поцеловал. Эфрика сопротивлялась едва ли дольше одного удара сердца. Его губы были заманчиво мягкими и теплыми. Всего лишь маленький поцелуй, сказала она себе. Всего лишь один глоток того, о чем она так часто мечтала. Когда мужчина провел языком по ее губам, Эфрика раскрыла их, приглашая сделать поцелуй глубже. Легкое касание его языка — и по венам девушки заструился

жар удовольствия, унося прочь мысли и желание сопротивляться. Слабый внутренний голос предупредил ее, что, когда тебя обнимают так крепко, одним поцелуем дело не ограничится, но она не придала ему значения.

И только, когда Дженкин увлек Эфрику на постель и прижал своим телом, она вновь почувствовала опасность. Секунду она наслаждалась тяжестью его подтянутого, возбужденного тела. Было настолько заманчиво принять то, что он предлагал, то, чего она так жаждала, что даже стало больно от желания. Вместе с тем Эфрика понимала, что став его любовницей, привяжется к нему так, что никогда не сможет освободиться. Эта мысль придала ей силы избавиться от плотной хватки желания и вывернуться из объятий Дженкина. Стоя возле кровати и всеми силами стараясь вернуть себе спокойствие, она была счастлива видеть, что он тоже покраснел и задыхается, как и она.

— Я не одна из твоих женщин, — сказала она, радуясь холодному самообладанию своего голоса.

— У меня нет женщин, — ответил он.

— Ха! За то время, что я живу здесь, я многое о тебе слышала. Я не собираюсь стать одной из кобыл твоего табуна.

Он мысленно выругался, слишком хорошо представляя, что могло быть рассказано о нём и о его связях с придворными дамами. Дженкин был раздосадован ощущением внезапной потребности объясниться, даже извиниться за прошлые излишества. Он был холост, не обручен; он просто брал то, что предлагали, как любой мужчина. Но, все равно его укололо то, что промелькнуло в ее глазах – что-то близкое к разочарованию.

— Сплетни и слухи — это еще не факт.

Он не осудил Эфрику за то, что она закатила глаза, услышав столь жалкий ответ.

Поняв, что на самом деле ей хочется, чтобы он опроверг все наветы, подтвердил, что был непорочен, как монах, Эфрика решила, что пора уходить.

— Следует быть осторожным, недооценивая слухи, — с подчеркнутой медлительностью сказала она, — большой темный жеребец.

Она усмехнулась, глядя, как он покраснел и сердито нахмурился.

— Теперь я уверен, что ты не слышала ничего, кроме лживых шепотков по углам. И, кстати, что ты вообще здесь делаешь?

— Меня привезла кузина Барбара. Мне уже почти двадцать. Последний срок, чтобы найти мужа.

Мысль, что другой мужчина касается Эфрики, утверждая свое владычество над ней, подняла в Дженкине волну гнева, которую тяжело было скрыть.

— Барбара не выглядит хорошей компаньонкой.

— Она замечательная. Не ходит хвостом, но появляется, когда нужна.

— Как, например, в саду?

Вопрос прямо в точку, но она только пожала плечами.

— При свете дня. Мне не должно было ничего угрожать. Но, теперь я буду более осторожна. А можно сейчас спросить, что здесь делаешь ты? Если не брать во внимание твои беспорядочные интимные похождения?

Дженкин пропустил последнее замечание мимо ушей.

— Ищу жену для Дэвида. Он больше Посторонний, чем МакНахтон, и я подумал, что смогу устроить ему выгодную женитьбу.

— А, ну конечно. Если ты добьешься успеха, это, несомненно, сослужит клану хорошую службу.

— Да, если получится, потому что женитьба позволит показать, что один из нас не настолько, ну...

— Странный?

— Неплохой вариант.

Он посмотрел на нее, затем насмешливо изогнул одну бровь.

— Ты собираешься хранить свою тайну от мужа?

Эфрике хотелось бы располагать простым ответом на этот вопрос, – вопрос, который она постоянно себе задавала.

— Думаю, мою тайну сберечь проще.

— Верно. Если бы не те звуки, которые ты издаешь, когда кровь закипает, — прошептал он, чувствуя, как его задавленное желание вновь всколыхнулось при воспоминании о низком, горловом мурчании, которое она издавала в его объятиях. — Думаю, женам не следует мурлыкать.

— А я думаю, мне лучше уйти, прежде чем я поддамся желанию тебя удавить, — отрывисто бросила она, смущенная тем, что он без сомнения знал, как сильно волновали ее его поцелуи.

— Увы, как легко мурлычущий котенок превращается в шипящую кошку.

Открыв рот для резкого ответа, Эфрика быстро закрыла его, проглотив оскорбления, которые рвались с языка относительно мужчин, которые пьют кровь, но падают в обморок от малейшего прикосновения солнечных лучей, будто субтильная девица.

— Нет, ты не заставишь меня обмениваться с тобой оскорблениями. — Она посмотрела на дверь. — Я выросла из таких вещей, — надменно заявила она. — Взрослость, знаешь ли. Тебе тоже стоит попробовать.

Сильный удар, подумал он и усмехнулся. Ухмылка стала ещё шире, когда уходя, она хлопнула дверью. Взрослость, очевидно, не помешала ей показать, насколько она задета.

Он вздохнул и уставился в потолок. Только теперь он понял, что свеча уже давно погасла и в комнате почти кромешная тьма. Эфрика этого даже не заметила. Дженкин лениво подумал, стоит ли ей говорить, что большинство людей не могут так хорошо видеть в темноте, а муж наверняка заметит эту особенность и найдет ее необычной.

Мысль об Эфрике рядом с другим мужчиной разогнала приятные думы. Раньше его не беспокоило, чем женщина занимается до него или после. Он, конечно, никогда не представлял себе Эфрику с мужчиной. В его воображении она всегда оставалась невинной, чувственной молодой девушкой, сестрой жены его лэрда – и запретным плодом. Ему никогда не приходило на ум ни то, что запретной она будет не для всех, ни то, что она не захочет такой быть. Хуже того – теперь, когда он отведал вкус этого плода, он жаждал его еще больше. Хотел снова услышать ее мурлыканье, хотел быть единственным мужчиной, кому знакомы эти пьянящие звуки. Дженкина преследовало безнадежное чувство, будто украв кусочек этого запретного плода, он совершил самую большую ошибку из всех, что когда-либо делал.

Глава 3

– Ты его поцеловала?!

Эфрика сердито посмотрела на кузину и слегка удивилась тому, что слова Барбары не отозвались эхом по большому залу, чтобы приковать к девушкам взгляды всех присутствующих.

– Может, нам лучше нанять глашатая, чтобы он объехал страну и оповестил весь народ? Тебе не пришлось бы так надрываться.

Барбара не обратила внимания на ворчание Эфрики, но понизила голос:

– Ну, и как это было?

– Барбара!

– Да ладно, не строй из себя монашку. Он среди местных женщин почти легенда.

– Да уж, знаю. Вот почему мне не следовало позволять ему такого.

– А еще потому, что тебе более чем понравилось.

Вряд ли была причина это отрицать. Эфрика не только просидела допоздна, размышляя об этом поцелуе, но и просыпалась несколько раз за ночь, вся в испарине, исполненная жажды любви. Ее девичьи мечты о Дженкине больше не были невинными.

– Ладно, это не лучшая для тебя добыча, но...

— Я не собиралась его ловить.

Взгляд, которым наградила ее кузина, сообщил Эфрике, что старшая подруга верит ее словам не больше, чем она сама.

— Но, Барбара, ты ведь знаешь, какой он, каковы все МакНахтоны.

— Твоя сестра не жалуется.

Эфрика вздохнула и прислонилась к холодной каменной стене, разглядывая ярко одетых придворных, заполнявших большой зал.

— Она любит своего лэрда. А я отказываюсь любить Дженкина. Я люблю солнце, цветы и певчих птиц. Жить с человеком, который никогда не сможет выйти из тени? Почти никогда не покидающим темные закоулки замка Кембран? Мне кажется, я задохнусь. А он надолго переживет меня, и все еще будет выглядеть молодым, когда я уже поседею и буду вся в морщинах.

Она заметила, что Дженкин вошел в большой зал, — и к нему тут же подошла рыжеволосая женщина, в манерах которой было что-то неискреннее.

— А еще он развратный ублюдок, — прошипела Эфрика, чувствуя сильное желание сломать женщине руку, которой та поглаживала предплечье Дженкина.

— Дитя мое, он холост. Холост и не обручен. К тому же, он красивый холеный брюнет, способный пробудить желание в любой женщине, всего лишь войдя в комнату. Слышала, местные дамы начали увиваться за ним, едва он приехал. Покажи мне холостяка, который утверждает, что отказывается от прелестей, которые предлагают ему столь откровенно, и я скажу, что он великий лжец.

Все верно. Эфрика предпочитала не думать о мужчинах, которые, едва их голос закончил ломаться, устремлялись на поиски подобных приключений. Такое лицемерие часто поражало ее. Мужчины прыгали в чужую постель при первой же возможности, но стоило так поступить женщине, ее начинали считать шлюхой. Сами они стремились лишиться невинности как можно быстрее, однако требовали, чтобы выбранные ими жены были непорочны.

— Скажи-ка мне, кем, по словам Дженкина, приходится ему Дэвид? — спросила её Барбара.

— Сыном. Дженкин говорит, что был женат, но недолго, ему было лет тринадцать.

— Очень умно. Дэвид приобретает статус законного ребенка и внушает всем веру, что Дженкину не больше тридцати с небольшим. А на самом деле ему сколько?

— Понятия не имею, — знаю только, что он, по меньшей мере, лет на десять старше своего лэрда.

— О, — Барбара скорчила гримаску. — Думаю, это и меня бы беспокоило. Стареть вообще нелегко — но стареть, когда твой муж остается сильным и время не оставляет на нем следов,

было бы ужасно тяжело. Хотя, конечно, и у такого положения есть свои очаровательные преимущества.

— Негодница. Кто эта женщина рядом с ним? Похожа на ту, что отправила меня в сад.

— А-а, это леди Элеонор Макбин. Не из тех, кому стоит доверять. Коварна, порочна, никаких моральных устоев. В прошлом году она пробовала совратить моего мужа. Хуже того, она оплела меня своими хитростями, нашептывала ложь и распространяла слухи до тех пор, пока я не начала этому верить.

— Нет, Барбара, твой муж никогда бы...

Резким жестом Барбара заставила ее замолчать.

— Знаю. Даже когда ревность начала грызть мои внутренности, разум говорил мне, что все это ложь. К счастью, ревность весьма польстила мужу, и он быстро привел меня в чувство. Я рассказываю об этом, чтобы предостеречь тебя. Поосторожнее с этой штучкой.

Она нахмурилась, видя, что Дженкин оставил женщину и направляется к ним.

— А ты могла бы предупредить этого красавчика. У вас обоих слишком много тайн, которые нужно хранить, и вам совсем не нужны проблемы с этой лисицей. К тому же, мы обе знаем, что ее роль в том нападении на тебя могла быть не такой уж и незначительной.

Эфрика душила в себе желание сбежать, пока Дженкин еще далеко. Скрывать в себе чувства, пробужденные поцелуем, будет сложно, если Дженкин от нее не отстанет, но убегать и прятаться — не ее стиль. Да и потом, не исключено, что трусливое бегство как раз и поведает Дженкину о ее состоянии. Женщина, неуязвимая для его чар, бежать от него не станет. А все-таки трудно оставаться спокойной, когда Барбара улизнула, едва обменявшись приветствиями.

— Рад, что поступок этих идиотов не заставил тебя прятаться, — сказал Дженкин, прислоняясь к стене рядом с ней.

Дженкина не радовала острая потребность видеть девушку. Не радовало его и то, что ему ничуть не хотелось отвечать на почти неприкрытый намёк леди Элеонор на приглашение побаловаться ночью разврата. Тело требовало женщины, но он подозревал, что теперь только одной. Излечиться бы от этой напасти, — но он не знал, как. Даже просто стоять рядом с Эфрикой было невыносимо.

— Пусть не думают, что имеют для меня хоть какое-то значение, — ответила Эфрика.

— Но ты будешь сторониться их, так?

— Как чумы.

Дженкин кивнул, поразмыслил о том, что стоит, а чего не стоит говорить; затем решил, что прямога лучше всего.

— Мне кажется, нам нужно поговорить о том, что случилось прошлым вечером.

— Ты спас меня, потом я спасла тебя.

Она старалась не залиться краской под его пристальным взглядом, но подозревала, что ей это не очень-то удастся.

— Ты знаешь, о чем я, девочка. Надо обсудить, какая искра пробежала между нами, когда мы обнялись.

— Это был просто поцелуй, Дженкин. Я и раньше целовалась.

На секунду Дженкин почти поверил, что она не почувствовала тогда ничего особенного, не ощутила неукротимого голода, который пробудился в нем самом. Но потом заметил, как старательно Эфрика избегает его взгляда.

— А ты позволяла хоть одному из мужчин ложиться на тебя? Мурлыкала для них, Эфрика?

Он удовлетворенно кивнул, когда она обожгла его сердитым взглядом.

— Это захлестнуло нас обоих. Жар, желание.

Значит, поцелуй взволновал Дженкина не меньше, чем ее, но Эфрика и виду не подала, что польщена его признанием.

— Похоть. И ничего больше. Я уже не ребенок, так что не вижу ничего особенного в том, что опытный мужчина смог разбудить во мне страсть. А ты, как я слышала, загораешься от одной женской улыбки.

— Проклятье, Эфрика, прекрати осуждать меня! Я брал то, что предлагали, как любой мужчина. Я полностью свободен и не должен ни объясняться, ни извиняться — ни перед кем.

Он вздохнул и потер затылок, спрашивая себя, как ей удалось внушить ему такое сильное чувство вины, даже стыда.

— Впервые приехав сюда, я и вправду потерял голову. До этого я никогда не уезжал из Кембрана, избегая посещать даже владения родственников. Но удовольствие быстро улетучилось: я понял, что на самом деле это вовсе не было просто наслаждение, которым делятся друг с другом.

Хотя Эфрика искренне ненавидела, когда он говорил о своих женщинах, любопытство заставило ее спросить:

— А что же тогда это было?

— Запах новой добычи? Аромат загадок и тайн? Я был темным, опасным любовником, человеком теней. Смелые отваживались принять вызов. Кому удалось бы раскрыть мои тайны? Я был всего лишь еще одним экземпляром в коллекции.

— Ага, понятно. Женщины обращались с тобой так, как мужчины часто обращаются с женщинами.

Это было неприятной правдой, которая открылась ему совсем недавно, но соглашаться он не стал.

— Думаю, я беззаботно скользнул в эту жизнь, стал одним из них, но потом понял, что это не по мне.

— Поэтому ты и приехал сюда? Посмотреть, сможешь ли стать одним из них?

Дженкин пожал плечами.

— Мне это приходило в голову. Ты знаешь о надеждах Кахала вывести МакНахтонов из теней, — начал он.

— Да, он рассчитывает, что породит МакНахтонов, которые выберутся из своих пещер.

Она заставила себя не покраснеть со стыда под осуждающим взглядом, которым он ее награждал.

— Ты не хуже меня знаешь, что Кахал и Бриджет — верные муж и жена, связанные обетом и любовью. — Он коротко улыбнулся. — И твоя сестра, совсем недавно одарившая нашего лэрда второй парой ребятишек, берет на себя больше, чем должна. Охотно и радостно.

Думая о новорожденных племяннице и племяннике, Эфрика тоже не смогла сдержать улыбку. Бриджет теперь вся будет погружена в заботы об этой парочке, так же, как это было с её старшими сыновьями-близняшками, которым уже по два года. Затем Эфрика подумала о других племяннице и племяннике — детях, появившихся на свет после того, как ее братья поразвлеклись с женщинами из рода МакНахтонов во время одного из своих визитов, а потом на тех не женились, и неодобрительно посмотрела на Дженкина.

— Ты тоже приехал сюда размножаться?

— Нет, конечно, — резко ответил он, потом вздохнул. — С тех пор, как я стал мужчиной, меня вряд ли можно назвать монахом, но мой единственный ребенок — Дэвид, и я просил руки у той девушки. Она решила остаться с себе подобными. Так что — нет, не мысли о размножении привели меня сюда. Раз уж внешний мир подбирается все ближе к нашему убежищу, я подумал, что будет разумно позволить людям познакомиться с одним-двумя МакНахтонами, чтобы дать им представление, что это за люди, вместо пустых сплетен или сомнительных домыслов. Получилось не совсем так, как я хотел, хотя у меня появилось несколько хороших друзей среди лэрдов. К сожалению, необходимость объяснять, отчего днем меня не бывает видно, делает дружбу сложным занятием.

— И как же ты это объясняешь?

Он скорчил гримасу.

— Я не могу выносить яркий солнечный свет, потому что он вредит моим глазам, а моя кожа на солнце быстро обгорает. — Дженкин сердито посмотрел на Эфрику, когда та

захихикала. — Знаю, такое объяснение выставляет меня изнеженным растеньицем. Чтобы хоть как-то смягчить позор, мне пришлось удостовериться, что не один и не два человека видели, как я несколько раз боксировал с Дэвидом. — Внезапно он повернулся, прислонившись плечом к стене так, чтобы лучше видеть ее. — И мы что-то далеко ушли от того, что нам, на мой взгляд, следовало обсудить.

Эфрика скрестила руки на груди.

— О чем тут говорить? Это был всего-навсего поцелуй.

— Девочка, поверь мне, я разбираюсь в таких вещах. Это был не просто поцелуй. Ты знаешь это так же хорошо, как и я. Нас мгновенно охватили сильнейшие жар и желание. Надо честно признаться в этом, чтобы можно было с ними бороться.

— Я не из распутных девок, которые...

Прикосновение его пальца к губам заставило Эфрику замолчать, и в ней поднялась волна тепла.

— Да, вот так, — мягко сказал он, заставляя себя убрать палец от ее более чем соблазнительного рта. — Девочка, я вовсе не имел в виду, что ты распутная. Это не вопрос морали. Это вопрос страсти: — страсти, которая поднимается в нас и толкает друг к другу. Пока мы не признаем это правдой, мы легко можем попасть в её ловушку.

— Так не целуй меня больше.

— Не буду. Мы постараемся сохранять почтительное расстояние — вот как сейчас.

Именно то, чего она хотела. Эфрика задумалась, почему же тогда она почувствовала боль и раздражение оттого, что он предложил такой выход. Это было опасным противоречием. Очевидно, ей придётся хорошенько приструнить себя, когда она останется одна.

— Наверное, это будет лучше всего, — заставила она себя сказать, довольная тем, как спокойно звучит ее голос.

— Я упрощу задачу, вернувшись к работе над одной из причин, ради которых я приехал в это проклятое место.

— Что за причина?

— Побольше узнать о моей наследственности. — Он выпрямился и поддался искушению поцеловать ее в щеку. — Копание в пыльных свитках и метрических книгах остудит мою кровь.

Эфрика посмотрела ему вслед и вздохнула. Он был так красив и двигался с таким изяществом, что было просто невозможно оторвать глаз. Эфрика понимала: не будь Дженкин МакНахтоном, она выставила бы себя полнейшей дурочкой, стараясь привлечь его внимание.

Сейчас ее очень тянуло поступить так же. Чьё-то легкое прикосновение к её руке заставило Эфрику вздрогнуть, и она повернулась к встревоженной Барбаре.

— Выглядишь очень обеспокоенной и грустной, девочка. — Барбара видела, как Дженкин большими шагами движется к выходу из зала. — Быть может, тебе стоит...

— Нет. — Эфрика огляделась, чтобы быть уверенной, что их разговор никто не услышит. — Он МакНахтон. Я против них ничего не имею. Я знаю, что они не порождения ночного кошмара, не бездушная нежить — демоны-вампиры, которые смотрят на нас только как на еду. Но все же его сущность делает нас слишком разными. Барбара, он никогда не сможет присоединиться ко мне в прогулке по саду, чтобы взглянуть, как роса на цветах испаряется под утренним солнцем. Он уже лет на тридцать старше меня, и даже сам не может сказать, сколько еще проживет — но это, конечно же, будет долгое, очень долгое время. Мы не будем стареть вместе. Он единственный, кто родился среди Чистокровок за более чем четыре десятка лет. Ясно, что семья Чистокровок слабое. Да, несмотря на все его развратные похождения, Дженкин стал отцом всего одного ребенка, да и того родила Посторонняя из семьи Макмартин. Мальчик уже стал мужчиной — и всё равно ему надо быть очень осмотрительным, оставаясь на солнце при ярком свете дня. Я хочу детей, Барбара.

— Твоя сестра...

— Ее муж не Чистокровка. — Она помотала головой. — Я хорошо понимаю проклятие древних родословных, которое накладывает на людей клеймо ... ладно, назовём их особенными. Калланы имели с этим дело на протяжении многих поколений, так ведь? Дженкин может раскидать взрослых мужчин, словно котят. Зубы, которые он старательно скрывает, заставили бы позавидовать волка. Он может порвать человеку горло и хлебнуть крови, которая течет из смертельной раны. Да, теперь у МакНахтонов суровые правила насчёт этого: они берегут свою свирепость для воров, убийц и врагов. Так он и поступил бы с мужчинами, которые напали на меня, если бы я его не остановила. Он был готов сделать это. Чтобы восстановиться после пребывания на солнце, пусть даже такого кратковременного, ему потребовалось выпить вина, разбавленного кровью. — Она кивнула, увидев, что Барбара нахмурилась. — Вот именно — он слишком особенный.

— В свете этого наша прародительница не так уж плоха, — прошептала Барбара.

— Ну да. Лучше кошка, чем волк. И Калланы приложили много сил, чтобы вывести эти признаки настолько, что от прародительницы осталась лишь тень. МакНахтоны только вступили на этот путь. Пройдет много времени, прежде, чем многие из них смогут спокойно ходить меж нас.

— Я все понимаю, но мне кажется, твое сердце не вполне согласно с твоей головой.

— Верно, но я заставляю его согласиться.

— Даже если он ответит на твои чувства?

— Да, такое искушение может возникнуть. Я могла бы смириться со всем этим, да, — но, когда я начинаю колебаться, склоняясь к этому, в моей голове возникает одна мысль, один непреложный холодный факт, который действует на меня отрезвляюще.

— И что же это за мысль?

— Я могу приговорить к жизни в тених себя, но я не хочу обрекать на то же своих детей.

Глава 4

Её совершенно не беспокоит, что она не видела Дженкина вот уже целую неделю, твердо сказала себе Эфрика, покидая сад и входя в замок. То, что она провела большую часть этого времени в саду, высматривая окна его комнат, было всего лишь простым любопытством. Неуклюжая ложь, но она цеплялась за такое объяснение. Так было лучше, чем напоминать себе в который раз, что возможность проводить время на солнце, наслаждаясь его теплом и смакуя аромат роз, была единственной причиной, по которой Дженкин был не для неё. Он, наверное, даже и не заглядывал в сад, поскольку солнце светило прямо в окно.

— Приветствую, Эфрика.

Удивленная, она обернулась и увидела Дэвида, который сидел на полу, опираясь спиной на стену. Это было странно, но, присмотревшись, Эфрика заметила, что он очень бледен. Подойдя ближе, она поняла, что он, к тому же, еще и немного дрожит. Эфрика быстро опустилась на колени рядом с ним и легко коснулась его лба, пытаясь определить, уж не жар ли у него.

— Ты не заболел? — спросила она.

— Не-а, просто немного ослаб. — Он едва заметно улыбнулся. — Я пошёл с мисс Фионой побродить по садам и задержался там немного дольше, чем было можно. Это пройдёт. Я могу выносить солнце, знаете ли, но все равно должен быть осторожен, когда оно в самой силе, а об этом я на какой-то момент позабыл.

Эфрика присела рядом с ним. Ей было интересно, как долго он сидит здесь, ведь она не видела в садах ни его, ни Фиону. Он был очень похож на отца, несмотря на то, что его волосы были темно-рыжими. На нем словно стояло клеймо МакНахтонов: это было в правильности его черт, в его подтянутом, изящном теле, глазах цвета темного золота. Очевидно, были и другие, менее заметные общие черты.

— Тебе нужно что-нибудь? Я могла бы помочь тебе добраться до твоих покоев.

— Нет.... Хотя, да, глоточек отцовского вина мог бы ускорить мое восстановление, но я стараюсь воздерживаться от такого лечения. Видите ли, я хочу жениться, а такого рода вещи могут насторожить жену.

— Да-да, но значит ли это, что ты никогда не расскажешь своей жене о МакНахтонах? Никогда не вернешься в Кембран?

Он покачал головой.

— Нет, я не собираюсь лгать всю жизнь, и не буду презирать своих родственников, — он чуть выпрямился. — Я хочу жениться на мисс Фионе, и, кажется, ее семья не против моих ухаживаний. Я начну очень осторожно подготавливать путь к правде, хотя, наверное, придётся скрывать это от её родственников, по крайней мере, на первых порах. Как бы то ни было, я не смогу скрыть всё это от моей жены, так ведь?

— Да, это вряд ли. Особенно, если почувствуешь, что должен отметить ее, как свою Пару. Дэвид кивнул.

— Я это уже чувствую. Это будет сложнее всего объяснить. Я боюсь, что потеряю ее из-за этого, но буду обязан сказать ей об этом до свадьбы. И всё же я надеюсь, что она полюбит меня настолько, что примет это.

Вспомнив, как изящная шатенка Фиона смотрела на Дэвида, Эфрика улыбнулась:

— Думаю, ты действительно важен для нее.

— Я тоже так думаю, но ее любовь должна быть глубоко в сердце, должна быть сильной. Отец предупреждал меня, что немногие женщины могут принять это. Да, моя мама не смогла. Вот почему она не вышла за него замуж! И это, и ещё то, что она представляла, как он будет смотреться рядом с нею, когда она постареет — скорее как сын, нежели муж.

Эфрике было знакомо это чувство.

— Полагаю, это и у тебя могло бы вызвать проблемы.

— Я не думаю, что я такой же. Я уже достаточно повзрослел, и не восстанавливаюсь так же легко и быстро, как раньше. Большинство из нас, кто принадлежит обоим мирам, живут действительно долго, но не на столько, чтобы вызывать нечто большее, чем удивление у других. — Он начал подниматься, улыбаясь, и Эфрика придвинулась к нему, чтобы помочь. — Моя сила возвращается. С момента встречи с Фионой я иногда проклинал свое наследие, но все же в нем есть и множество приятных вещей.

Сделав пару шагов, он покачнулся, и Эфрика поспешно подхватила его под руку.

— Ты хочешь пойти к отцу?

— Пожалуй, нет. Мне сейчас лучше бы лечь в постель, а не искать его. Отец наверняка в своих комнатах или в счётной палате, или как там ее называют. Вот уже неделю он целиком и полностью погрузился в работу, в свой поиск.

Эфрика проигнорировала любопытство в том взгляде, который он послал ей, пока они шли рядом.

— Он говорил что-то об исследовании его наследия, но, что точно он ищет? Я думала, МакНахтоны уже собрали все, что только можно о своём происхождении, но у него, очевидно, есть какие-то вопросы о его собственном.

— Да, есть. Но мы не знаем наверняка. Согласитесь, МакНахтонам трудно путешествовать в поисках информации. Даже опасно. Незадолго до свадьбы нашего лэрда с леди Бриджет, один из наших был схвачен во время его странствия и жестоко казнен. Деревенский священник объявил его демоном, знаете ли.

— Да, конечно... — Это было еще одной из причин попытаться усмирить своё безумное влечение к Дженкину. Если бы они поженились, то ей, чтобы повидать своих родственников, пришлось бы отправиться в путешествие в одиночку, либо рисковать потерять своего мужа на торопливо сложенном костре посреди какой-нибудь деревни.

— Отец обнаружил несколько недостающих частей в своей родословной, несколько тайн. Он ищет ответы. Он начинает сомневаться, действительно ли он такой чистой крови, как ему говорили. Один вопрос, который особенно возбуждает его любопытство – почему я больше Посторонний, чем Чистокровка. Это верно, что потомство одних и тех же двух людей может быть разным, но я слишком во многом больше схож с матерью, чем с отцом. Это странно.

Эфрика не могла сдержать своего любопытства. Неужели Дженкин не вполне МакНахтон? Может, он был в более близком родстве со своим лэрдом, чем с теми, кто провёл большую часть своей долгой-долгой жизни в пещерах под Кембраном?

Это не имеет значения, – твердо сказала она себе. Всё равно он был в большей степени пещерным существом, нежели его лэрд. Более диким, принадлежащим к созданиям ночи... Может, и правда, крови Посторонних в нем больше, чем он предполагал, но она, видимо, успешно подавлялась чистой кровью МакНахтонов. Дэвид же больше походил на свою мать, но, несмотря на это, всё же страдал от солнца и до сих пор имел склонность к крови, даже потребность.

Эфрика проводила Дэвида в его комнату, а затем отправилась в собственную. Она немного удивилась, обнаружив там Барбару. Хотя комната и принадлежала им обеим, Барбара чаще отсутствовала, чем присутствовала.

— Искала меня? — спросила Эфрика, подойдя к тазу с водой, чтобы вымыть руки.

Барбара немного повернулась в кресле, в котором сидела, грея у огня ноги.

— Нет, но мне действительно хотелось бы знать, куда ты пошла. Я просто утомилась слушать сплетни женщин, хотя временами это бывает полезным.

— Я думаю, ты начинаешь скучать по своему мужу. — Эфрика налила себе в большую кружку сидра и села в кресло перед Барбарой. — Знаешь, мы можем уехать.

— Нет. Я действительно скучаю по нему и моим ребятам, но мы задержимся здесь еще на некоторое время. Поиски мужа для тебя – это не то, с чем следует торопиться. Ты возбудила интерес. Лучше дать этому побольше времени.

Эфрика скорчила рожицу и отпила немного сидра.

— Я могла бы прекрасно обойтись и без всего этого интереса. — Она стряхнула лепесток розы, приставший к юбкам ее искусно вышитого синего платья. — Те две свиньи, что напали на меня, уже не скрываются.

— Они обеспокоили тебя?

— Нет, и, слава Богу, – у меня от них просто мурашки по коже бегут! Они смиренно попросили у меня прощения, свалив своё безобразное поведение на алкоголь, и я их простила. Мы всего лишь обменялись парой лживых фразочек и вежливых улыбок. Даже леди Элеонор попросила прощения, ужасаясь, что ее невинное, дружеское предложение доставило мне столько неприятностей.

— Откуда она знает, что из-за неё у тебя были неприятности?

— Хороший вопрос. Я никому не рассказывала о спасении, кроме тебя, а ты бы тоже никому не сказала. Если только не Дженкин. — Эфрика смотрела на огонь. — Полагаю, она, помогая тем, двоим, полностью знала об их намерениях.

— Лучше всего избегать всех троих.

— Я стараюсь. Лаклейна и Томаса я могу избегать, не вызывая вопросов. Немного труднее избегать леди Элеонор, коль уж она не хочет этого. Может, она и шлюха, но она очень богатая и знатная шлюха, у которой много влиятельных друзей. Большинство из них мужчины, конечно. Но, не смотря на это, ей не удастся обмануть меня снова. — Вспомнив, как женщина расспрашивала ее о Дженкине и МакНахтонах, Эфрика нахмурилась: — Ее интерес к Дженкину крайне силен.

— Полагаю, они были любовниками какое-то время, ещё до тех пор, как мы приехали. Само собой, не очень долго.

Эфрике не хотелось, чтобы кузина говорила так, хотя на самом деле она и сама это подозревала.

— Она, очевидно, не считает, что всё закончилось. Судя по некоторым ее вопросам, она к тому же пытается выяснить, не я ли виновата в том, что Дженкин внезапно потерял к ней интерес. Хотя с другой стороны, по твоим словам – это не было внезапным. — Она пожала плечами. — Это неважно. Ей только надо будет разузнать вокруг, и она поймёт, что я не имею к этому никакого отношения.

— Мне очень не нравится, как всё это выглядит! Будь осторожна с этой женщиной, Эффи. Очень, очень осторожна!

— О, разумеется. От неё у меня кровь в жилах стынет. Я как-то мимоходом подумала, как бы она отреагировала, если бы увидела Дженкина в самом диком облиии и получила ощущения, которые возбудили бы её страсть?

— Из-за его силы?

— О, это удивительно и даже, может быть, захватывающе – видеть его таким. Какая женщина не возбудилась бы, видя, как ее мужчина так отважно и впечатляюще расправляется с ее врагами? Но мне кажется, она не помешала бы ему убить тех двух свиней, даже если бы это навлекло на Дженкина серьезную опасность. Нет, я думаю, наоборот, она поощряла бы его, упиваясь этим, утоляя свою возбудившуюся страсть кровопролитием.

— Боже мой!

— Вот именно. Я думаю, что внутри себя леди Элеонор чудовище более дикое, более кровожадное, чем был бы любой из МакНахтонов. Их, по крайней мере, можно оправдать, потому что это их природа, их потребности, их инстинкт продолжения рода. Однако они работали долго и упорно, учась себя контролировать. У леди Элеонор нет такой склонности. Так же, как мы не можем до конца изжить кошачью натуру, возвращенную в нас той древней Кельтской жрицей, так и МакНахтоны не могут полностью вывести ту природу хищника – волка из своей крови. Ну, а у леди Элеонор душа –местилище истинной тьмы, я полагаю.

Барбара медленно кивнула.

— Это многое бы объяснило. И ты права. Так же, как и у нас, то, что живёт внутри МакНахтонов – является духом животного. Это не имеет ничего общего ни с моралью, ни с пагубными склонностями. Уж, что есть – то есть. Но если то, что ты ощущаешь в леди Элеонор правда, то это болезнь души, темное, противоестественное дьявольское порождение.

— Я могу ошибаться, — Эфрика чувствовала, что должна это сказать.

— С тобой такое редко случается, да и я тоже замечала эти признаки. Я только не назвала это, как ты. И всё же, где ты была?

— В садах. — Она сказала Барбаре о встрече с Дэвидом.

— Ага, значит, опасность от солнца ещё не до конца исчезла в детях смешанной крови. Жаль. Как бы то ни было, возможно, детишки Дэвида уже не будут испытывать подобной слабости. И Фиона стала бы хорошим выбором невесты. Я думаю, что под милой, застенчивой внешностью кроется сильное сердце. Если парень завоюет его, я думаю, всё будет хорошо.

— Надеюсь, ты права. Мне кажется, свое сердце он уже потерял. Он говорил, что чувствует потребность отметить ее, как свою Пару.

Барбара слабо улыбнулась.

— Тогда красавица попалась. Хочу сказать, я была потрясена, когда Бриджет рассказала мне об этом, но, как она говорила, — это было просто ничто. Крошечный глоток, и только однажды. Я думаю, Фиона не будет противиться. Теперь о поисках Дженкина. Ты должна направить его к нашему кузену Малькольму.

Глаза Эфрики расширились от удивления. Она совершенно забыла о Малькольме. Он был чудаковатым маленьким человечком, с ненасытной страстью к слухам, сплетням, старинным сказаниям и любым письменным свидетельствам чьего угодно клана, какие только могли попасть в его, испачканные чернилами, руки. Если у какого-нибудь клана была тайна, Малькольм, вполне возможно, знал об этом и записал в свои архивы. К тому же он и жил довольно близко, можно сказать — по соседству. Эфрика поняла, что ей не терпится рассказать об этом Дженкину, и нахмурилась. Честность заставила ее признаться себе, что одной из причин её нетерпения является то, что это позволило бы ей снова увидеться с ним!

— Может, ты сама скажешь ему, Барбара?

— Боюсь, что не смогу, — ответила Барбара и встала, расправляя свои юбки. — Через несколько минут я должна встретиться с леди Беатрис и леди Маргарет. Ну, Эффи, ты же не сможешь вечно прятаться от мужчины. Разве он не продолжает придерживаться своего намерения относиться к тебе, как к своей сестре? Есть огромная разница между тем, чтобы сообщить ему что-то полезное, может быть, даже сопроводить куда-нибудь разок, и «близкими отношениями», так сказать. И, может быть, это позволит тебе лучше понять, сумеешь ли ты удержать всё это в элементарных рамках, не доводя до сложностей. Если ты даже не в состоянии передать ему сообщение, может, тебе стоит задуматься, почему он внушает тебе такой страх?

Прежде, чем Эфрика смогла ответить что-то на это, Барбара ушла. Хотя все, что сказала Барбара, было верно, у Эфрики было чувство, что в настойчивом желании Барбары, чтобы она сама рассказала Дженкину о Малькольме, крылось нечто большее. Эфрика надеялась, что кузина не занимается сводничеством, решив, что ее безумное увлечение Дженкином постоянно должно чем-либо подпитываться, чтобы не засохнуть на корню.

Выйдя из своих комнат, Эфрике пришлось поискать кого-нибудь, кто объяснил бы ей, где хранятся разного рода записи. Она не удивилась, что её направили вниз, в подземелья сторожевой башни. Определённо, это место представлялось наиболее подходящим для того, чтобы обнаружить там Дженкина. Идя по освещенному факелом проходу, Эфрика строго напоминала себе обо всех причинах, по которым она не могла уступить своему тяготению к Дженкину. Ей следует воспринимать его, как родственника, с не более чем благовоспитанным дружелюбием. Она должна быть сильной и непоколебимой в защите собственного сердца.

Теперь она женщина, а не безрассудная девчонка, не умеющая справляться с собственными эмоциями.

Эфрика вошла в комнату, где хранились записи, увидела Дженкина, изучающего какую-то внушительную книгу, и чуть не выругалась вслух. При одном только его виде сердце у неё сжалось, пульс ускорился. По какой-то необъяснимой причине, разглядывая его тонкие черты, Эфрика почувствовала желание вздохнуть. Ее губы внезапно потеплели при воспоминании о его поцелуе. На краткое мгновение ей захотелось сбежать, но затем она устыдилась своей трусости. Эфрика расправила плечи и направилась к нему. Бежать она отказалась.

Глава 5

Ее присутствие он почувствовал ещё до того, как Эфрика заговорила. Свое появление она не выдала ни звуком, ни шорохом, однако Дженкин не удивился этому. Как и ее сестра, Эфрика ходила очень тихо. Даже с его чутким слухом Дженкин с трудом мог расслышать её шаги. Он узнал Эфрику по запаху, столь же хорошо знакомому ему, как и запах сына. Сделав глубокий вдох, он почувствовал, как его заполняет её приятный аромат, согревая всё внутри. Дженкин медленно повернулся, чтобы посмотреть на неё и понял, что её вид горючит его ещё сильнее. Похоже, пребывание вдали от нее не смогло излечить его от страсти, хотя об этом можно было догадаться и по тем жарким грёзам, что мучили его всю последнюю неделю.

— Девочка, что привело тебя сюда? — спросил он и напрягся. — Проблемы?

— Да нет, полагаю, у меня их не больше, чем у любого другого в таком месте, — ответила Эфрика. — Нет, сегодня я встретила Дэвида, и он случайно упомянул о том, что ты ищешь. — Эфрика обошла вокруг стола и, встав около Дженкина, заглянула в книгу, которую тот изучал. — Нашел всё же что-нибудь?

— Несколько беглых упоминаний, намеков на что-то, что могло бы оказаться важным, но это и все. Те, кто составлял эти записи, больше были озабочены тем, сколько у человека земель, богатства и воинов, чем то, кем он был или его родословной.

— Думаю, я знаю, кто мог бы тебе помочь. Мой двоюродный брат Малькольм.

— И чем же?

— Он собирает информацию.

— Я знаю, что Калланы интересуются историей своего рода, так же как и мы, но...

— Не только о Калланах. Малькольм собирает все и обо всех. — Она кивнула, когда заметила его заинтересованный взгляд. — Он не пропускает ничего: от незначительных слухов до церковных записей. Мальком продолжает дело своего отца, деда и прадеда, каждый из которых питал неистребимую жадность до такой информации. Если бы Малькольм был

женщиной, его поносили бы как худшую из сплетниц. Однако как мужчина, он может объяснить свой интерес потребностью составления летописи для потомков, чтобы в случае необходимости они могли бы узнать подлинную историю народа этой земли. На утверждение о том, что достаточно памяти старейшин, Мальком отвечает, что хватит одной эпидемии чумы или войны для того, чтобы предать забвению всё это знание, и оно будет утрачено навсегда.

Дженкин почувствовал, как в предвкушении сильнее забилась кровь в его жилах.

— И много он собрал?

Эфрика тихо засмеялась.

— Больше, чем ты можешь себе представить. А трое его сыновей рыщут по всей стране вдоль и поперек, чтобы собрать еще больше. Он попросит заплатить за информацию. Это единственное, благодаря чему он может продолжать свою работу.

— Меня это устраивает. Где он живет?

— Боюсь, тебе придется позволить мне выступить в роли провожатой. Малькольму может и нравится знать всё обо всех, но он не питает пристрастия к встречам с кем-нибудь из них. Если мы выедем сразу после заката, то доберёмся туда этим же вечером.

— Тогда, как только солнце сядет, встретимся на конюшне?

Эфрика кивнула и поспешила на поиски Барбары, чтобы поделиться с ней своими планами. Всё внутри неё пело от душевного возбуждения, и Эфрика знала, — это потому, что она помогает Дженкину в его поисках. Эфрика с горечью призналась себе, что ещё одна причина этому то, что ей предстоит провести с ним какое-то время, она сможет любоваться им, наслаждаться звуком его глубокого, ровного голоса. Может быть, Барбара права. Может быть, пришло время задать себе несколько откровенных вопросов.

Дженкин стоял между двумя лошадьми, которых он выбрал, и ждал Эфрику. Глядя на яркую полную луну, он чувствовал, как в нем просыпается древний инстинкт. Этой ночью его родня выйдет на охоту. Прошло уже много времени с тех пор, как он тоже принимал участие в охоте, и Дженкин понял, что ему хочется вернуться в Кембран и мчаться по горам, и лесам бок о бок с собратьями.

Приезд ко двору, наверное, был не самым умным решением. Да, Дэвиду, возможно, удалось найти себе жену, однако пребывание среди этих людей слишком ясно дало понять Дженкину, чем он является, и кем не сможет стать никогда.

Он подумал, что до этого не признавал так сильно своё одиночество. Ни одна из женщин, с кем он спал, не избавила его от этого чувства. То, что даже в содроганиях страсти ему постоянно приходилось тщательно оберегать свои секреты, лишь усугубляло это ощущение

безысходности. Дженкин подозревал, что это было основной причиной, по которой его так неодолимо тянуло к Эфрике. Она знала, кто он. Перед ней он мог быть самим собой.

Впрочем, его неудовлетворённость возникла уже давно. Наблюдение за счастливой жизнью Кахала и Бриджет, за тем, как растёт их семья, породило это чувство. А эта поездка обострила его настолько, что он уже не мог избавиться от него лёгким пожатием плеч.

Дженкину не хотелось провести всю свою долгую жизнь в одиночестве, время от времени заводя любовницу среди себе подобных, и влача едва ли больше, чем жалкое существование, пока однажды он не положит этому конец. Конечно, частичка его продолжится в детях Дэвида, но это и все: никаких других его следов в этом мире не останется. Это была пугающая перспектива.

Дженкин тихо выругался, увидев торопливо идущую к нему Эфрику. Она только затрудняла его попытки стряхнуть с себя сентиментальное настроение, завладевшее им. Он до боли желал ее, жаждал ощутить запах солнца на ее светлой коже, на великолепных волосах. Дженкин чувствовал, что она его Пара, но он никогда не смог бы притязать на Эфрику. Слишком сильна была в нём кровь его предков, делающая его существом ночи. А Эфрика была истинным существом света, даже в большей степени, чем ее сестра. Тени, которых он должен держаться, чтобы выжить, постепенно задушат ее до смерти.

Помогая ей сесть на лошадь, Дженкин чуть дольше, чем было необходимо, позволил своим рукам задержаться на тонкой талии Эфрики. Проигнорировав ее хмурый взгляд, он вскочил на коня и знаком велел Эфрике указывать путь к своему кузену. Дженкин понимал, что не должен использовать к своей выгоде их взаимное влечение, но решил, что случайно украденное, краткое удовольствие повредить не сможет. Разве только сделает его мечты ещё более мучительными, печально подумал он.

Дом, к которому привела его Эфрика, стоял в самой дальней южной части города. Основная часть дома, расположенная за прочной высокой стеной, выглядела, как и у множества других домов, хотя кое-где было заметно, что к ней делались пристройки. Ворота, ведущие во двор перед домом, были открыты, оттуда за ними молча наблюдал сердито нахмуренный седовласый мужчина.

— Эфрика? Ты ли это? — потребовал ответа человек, едва Дженкин помог ей спешиться. — Я уже собирался запереть ворота.

Эфрика обняла его и поцеловала.

— Это я. Поэтому мы и спешили. Прошу прощения за столь поздний визит, но днем мы приехать не можем. — Она поспешно представила Дженкина своему кузену, не удивлённая видом Малькольма, задумчиво прищурившего пронизательные зеленые глаза. Этот человек уже ищет в своей бездонной памяти информацию о клане МакНахтонов.

— Заходите. Заходите и скажите мне, что вы ищете.

Следуя за Эфрикой и её несколько недружелюбным кузеном, Дженкин слушал ее объяснение причин их появления. Малькольм продолжал поглядывать на него, любопытство в его глазах боролось со страхом. Каким-то образом этот человек знал о МакНахтонах достаточно, для того чтобы чувствовать себя неуютно в присутствии одного из них. По мере продвижения через дом Дженкин видел, что практически все мыслимое пространство здания превращено в хранилище для книг, разного рода журналов и свитков. Свою основную жилую область Малькольм содержал в относительном порядке, попросту отгородив её, где возможно, стенами из стеллажей, однако большая часть дома была отведена под его работу. Где-то в этом лабиринте затерялись одно-два свидетельства о МакНахтонах, и как раз сейчас этот мужчина припоминал их.

В следующий раз, когда Малькольм снова посмотрел на него, Дженкин ответил широкой улыбкой. Глаза Малькольма сильно расширились и он, слегка побледнев, отвернулся к Эфрике. Эфрика видимо заметила расстройство своего кузена, потому что нахмурилась и подозрительно посмотрела на Дженкина. Дженкин любезно улыбнулся в ответ и не удивился, когда подозрение в ее глазах только усилилось. Малькольм отвлек её, поскольку в этот момент он ввел их в то, что, по всей видимости, когда-то было главным залом.

Дженкин остановился и с благоговением огляделся по сторонам: все эти полки и столы были настолько заполнены книгами, свитками, бумагами и прочим, на чём люди записывали информацию, которую считали важной, что казалось, под их тяжестью дерево должно стонать и прогибаться.

— Информацию про МакНахтонов вы найдете на полке у окна, — сказал Малькольм, — в дальнем конце, слева. Я пока принесу немного вина и еды, хорошо?

Прежде, чем Эфрика успела ответить, Малькольм поспешно вышел из комнаты. Она повернулась, чтобы бросить еще один подозрительный взгляд на Дженкина, но тот уже шагал в сторону полок, указанных Малькольмом. Эфрика была уверена, что Дженкин сделал что-то такое, что заставило Малькольма так сильно нервничать, но, поскольку их не выставили тотчас же за порог, решила не обращать на это внимания и поспешила за ним. Внутренний голос твердил ей, что она должна оставить его здесь, что проводить время с ним наедине неразумно, но Эфрика заставила его замолчать. Кроме всего прочего, ей было очень любопытно, что за информацию собрал Малькольм на МакНахтонов. Молча, она стала помогать Дженкину выискивать любые документы с упоминанием МакНахтонов и складывать их на один из больших столов, расставленных по комнате.

— А, отлично, отлично, — пробормотал вернувшийся Малькольм и поставил на стол большой поднос с вином, хлебом, сыром и овсяными лепешками. — Поищите краткие

примечания к текстам, по ним можно найти дополнительную информацию. Понимаете, многие кланы связаны между собой и история одного клана часто пересекается с историей другого...

Нахмурившись, Эфрика уставилась на шею кузена. Ей показалось, что она заметила какой-то мерцающий блеск под растрепанными прядями седых волос и воротом запятнанной чернилами рубашки. Эфрика протянула руку, чтобы коснуться его шеи, и ахнула, когда задела ногтем о металл.

— Малькольм, что это у вас на шее? — требовательно спросила она.

— Ничего! — ответил он, прикрывая шею руками.

— Не лгите мне. Господи, Малькольм, вы надели что-то вроде шейного кольчужного кольца. Как вы могли так оскорбить гостя?

— Эффи, он МакНахтон, — прошептал Малькольм.

— Да, и глава его клана женат на моей сестре Бриджет. Вы видите металл, обернутый вокруг моей шеи? Я думаю, что вы, чересчур наслушавшись слухов, забыли, как отделять их от фактов. А ещё я думаю, что вы должны извиниться перед Дженкином.

— Прошу прощения, — пятась к двери, пробормотал Малькольм. — Тысяча извинений. Выход найдете сами, когда закончите.

Продолжая смотреть на закрытую сбежавшим Малькольмом дверь, Эфрика спросила:

— Дженкин, уж не показал ли ты ему свои клыки?

— Ну, может они и выглянули чуть-чуть, когда я ему по-дружески улыбнулся, — ответил Дженкин.

Покачав головой, Эфрика подошла к столу, чтобы налить им немного вина.

— Этот мужчина проводит большую часть своей жизни, скрываясь в стенах этого дома и изучая прошлое. — Она нахмурилась, заметив слабую улыбку, изогнувшую его губы. Дженкин рассматривал нечто, похожее на коротенькое письмо. — Что ты нашел?

— Ответ на загадку, каким образом твой кузен смог так много узнать о нас. Он упомянул о каком-то хорошо осведомленном друге. Кажется, я понял, кто это, — сказал Дженкин, вручая ей письмо.

«Бриджет вышла замуж за Кахала МакНахтона, лэрда Кембрана, — прочитала она. — Кто он? Информация нужна незамедлительно. Дункан.» — Довольно резко. Впрочем, подозреваю, что мой брат смягчил свои высокомерные замашки хорошей компенсацией. Я удивляюсь, почему он никогда не рассказывал тебе о Малькольме.

— Он только недавно познакомился с нами и узнал, как тщательно охраняются наши секреты. Мы даже не подумали после того, как он смог узнать нас лучше, еще раз просить его об этом. — Дженкин отхлебнул вина, которое она подала ему. — И я не уверен, что мне нравится тот факт, что кто-то вне Кембрана может так много знать о нас.

— Малькольм очень осторожен относительно того, чтобы давать кому-то эту информацию. Ты же понимаешь, он знает все и о Калланах. Являясь одним из нас, он отлично сознаёт значимость этой тайны. Но, несмотря на это, я скажу ему спрятать ваши секреты подальше, вместе с нашими.

Дженкин оглядел комнату.

— Так здесь не может быть информации о Калланах?

— Должно быть генеалогическое древо, несколько историй и невинных писем, ничего больше. Малькольм тщательно удаляет все намеки на наше истинное происхождение. Полная история нашего рода хранится в очень надежном месте. Поскольку ваш клан теперь тесно связан с нашим, он, э..., подчистит информацию о МакНахтонах, начиная с самых ранних своих записей.

— Да, так было бы лучше. Неприятно сознавать, что секреты МакНахтонов, записанные здесь, может кто-либо увидеть, как бы тщательно Малькольм не охранял их. И так достаточно тяжело бороться со слухами и мрачными легендами прошлого, что пересказываются шепотом. А записанные в книгу? — он содрогнулся. — Да многие просто будут принимать их за неопровержимые доказательства.

Эфрика кивнула.

— Уже один тот факт, что у кого-то нашлось время записать все это, придает им вес. Очень немногие обладают этим умением, что дает этим записям ещё большую силу. Даже магическую, можно сказать, — добавила она, возвращаясь к полкам.

Когда Дженкин увидел, как Эфрика наклонилась, чтобы разобрать несколько свитков, его голова тотчас наполнилась всякими греховными мыслями, заставив его выругаться про себя. Но он не мог предложить ей уйти, сказав, что не нуждается в помощи, какой бы заманчивой не была эта мысль. Эфрика вызвалась помочь ему, привела в эту сокровищницу информации, и нельзя было оскорбить её, грубо отослав прочь. Он человек с многолетним опытом, напомнил себе Дженкин, сосредотачиваясь на лежавшей перед ним книге. Он должен уметь обуздывать свою похоть к женщине, к любой женщине.

С каждым прошедшим часом ему все труднее становилось контролировать себя. Слишком часто Дженкин ловил себя на том, что глядя на нее, думает обо всех возможных способах, которыми хотел бы заняться с ней любовью. Она проникла в его кровь, словно неизлечимая лихорадка. А тот факт, что Эфрика оказалась приятным и эффективным помощником, ещё больше все ухудшал. Обычное влечение, независимо от его пылкости, можно со временем преодолеть. А от страсти, смешанной с симпатией и уважением, избавиться куда труднее. Это чувство обосновалось в глубине его сердца, грозя доставить им много проблем.

Именно Эфрика спустя несколько часов обратила его внимание на близящийся рассвет. Увлеченный своим исследованием, Дженкин неохотно оторвался от него и с тоской посмотрел на несколько больших книг, которые раскопал в необъятной коллекции Малькольма. Переведя взгляд на Эфрику, он увидел, что на подносе, на котором Малькольм принес им еду и вино, она оставляет письмо.

— Это всего лишь записка для Малькольма, в которой я сообщаю, что мы взяли несколько книг с собой в замок, — пояснила она.

— А он позволит? — спросил Дженкин.

— Спроси мы его напрямую — подозреваю, что нет. Так что оставляем письмо — и быстренько уезжаем.

— И это. — Дженкин бросил на поднос небольшой кошелек, вес которого и звон предполагал внушительную сумму денег.

— Безусловно, это утешит его, — пробормотала Эфрика, вслед за Дженкином выходя из дома.

С большой предосторожностью уложив книги в седельные сумки, Дженкин заметил, что Эфрика, не дожидаясь его помощи, уже села на лошадь, так что и он вскочил на своего коня.

— Что-то не так? — спросил он, увидев, что она хмурится.

— Вообще-то, — сказала она, посылая свою лошадь вперед, — мне интересно, где Малькольм раздобыл ту вещь, которую он нацепил на свою шею. Это не то, что обычно лежит в каждом доме.

Дженкин тихонько рассмеялся, скача рядом с ней.

— Подозреваю, он заказал ее, едва пришла весть о том, что Каллан вышла замуж за МакНахтона. Не хмурься, я не оскорблен.

Не поверив до конца его заверениям, Эфрика не стала вдаваться в обсуждение. Реакция Малькольма на Дженкина только ещё раз подтвердила ее мнение, что она просто глупа, позволив себе настолько увлечься МакНахтоном, что даже рассматривает возможность своего будущего с ним.

Если даже члены клана Калланов не могут спокойно находиться рядом с Дженкином, не стоит и надеяться на нормальную жизнь с этим человеком.

Глава 6

— Вам бы не помешало проводить немного больше времени при дворе.

Дженкин поднял взгляд от записей, которые он внимательно читал, и хмуро посмотрел на Малькольма. Долгие часы этих прошедших четырех ночей он провел, отрывая Малькольма от его исследований и дотошно записывая любые упоминания о МакНахтонах, включая несколько старых, темных историй, очень похожих на те, что шепотом рассказывают в деревнях около Кембрана.

Вроде, как в далеком туманном прошлом МакНахтоны нашли способ путешествовать намного дальше от дома, чем могли делать это теперь.

Малькольм чувствовал себя все более непринужденно в присутствии Дженкина, хотя все еще носил на шее тот странный кусок брони. По всей видимости, Малькольм начитался тех многочисленных рассказов о таинственных мужчинах с волчьими глазами, которые, скача на конях по ночам, оставляли позади себя смерть.

— Зачем? Я ведь не могу найти там те ответы, которые ищу? — спросил он.

— Я бы предположил, что мужчинам вашего рода следовало бы научиться больше прислушиваться к тому, что происходит вокруг.

— Что вы имеете в виду?

— Шепоты и слухи, дружок. Шепоты и слухи.

— Подобные вещи всегда циркулировали вокруг МакНахтонов.

— Да, и невнимание к ним привело многих из вашего клана к смерти. Жестокие, ужасные смерти и неосвященные могилы.

— Что вы слышали? — напрягся Дженкин.

— А вы как думаете, а? Вы никогда не показываете ваши прекрасные личики солнцу, вы обладаете неестественной силой, вы...

— Хватит. Я знаю все это, но мне интересно, откуда вы узнаете такие вещи. Вряд ли вы когда-нибудь покидаете этот дом.

Малькольм сел на скамью через стол от Дженкина и скрестил руки.

— Все те, кто приходят сюда в поисках информации о своем клане или о родословной тех, с кем планируют вступить в брак, дают обещание сообщать мне о любых новостях, каких только смогут, неважно — слухах или фактах. Редкий день проходит, чтобы мне не принесли письма или не прибыл посыльный со свитком, скопированной книгой или журналом. И сейчас при дворе есть несколько людей, которые навещают меня время от времени, чтобы рассказать все новости. Да-да, новости вроде тех, что два отъявленных негодяя преследуют мою маленькую кузину Эфрику, или, что отвергнутая женщина решительно настроена заставить вас заползти обратно в ее постель. Та самая женщина, чье недовольство становится всё сильнее, когда вы в очередной раз пренебрегаете ее приглашением.

Между стараниями сохранять безопасное расстояние между собой и Эфрикой и одержимостью своим исследованием, Дженкин не заметил, что Лаклейн и Томас возобновили преследование девушки. Учитывая, на что были способны эти двое мужчин, Эфрике могла угрожать очень даже реальная опасность. Ее кузина Барбара была хорошей женщиной, но ненадежной защитой.

Лаклейну и Томасу нужно было только уловить момент, чтобы застать Эфрику в одиночестве, и Дженкин не чувствовал уверенности в том, что такая возможность им никогда не представится. Одна мысль о том, что они уже пытались с ней сделать, приводила его в бешенство.

Когда Дженкин увидел, как глаза Малькольма расширились, он понял, что его ярость отразилась на лице. Он приложил все силы, чтобы совладать со своим гневом, явственно видя, что Малькольм, как может, старается укрепить своё мужество. Дженкин подозревал, что только беспокойство этого человека и его привязанность к Эфрике мешали ему сбежать из комнаты.

— Я не думаю, что вам нужно срочно мчаться назад, чтобы снова гонять этих ублюдков по саду.

— Эфрика рассказала вам об этом?

— Нет. В тот день вас заметили. Мой старинный друг увидел, что грозит девушке, и помчался из своей спальни ей на помощь. Он подоспел в сад, когда вы уже спасли ее. По его словам, вы расшвыряли этих мужчин так, будто они ничего не весили.

Это были тревожные новости.

— Это он распускает слухи?

— Нет. Я убедил его, что вы, хоть и худощавый мужчина, обладаете большой силой. Можете выиграть любой турнир по метанию ствола¹, и все такое. Еще отметил, что МакНахтоны зачастую впадают в неистовый гнев, когда угрожают кому-нибудь из их родственников. Объяснил, что лэрд МакНахтон женат на Бриджет. Но он всё же был озадачен, как вам удалось поднять обоих негодяев разом, по одному в каждой руке, и упомянул, что мельком заметил очень встревожившее его выражение вашего лица. — Малькольм кивнул, когда Дженкин выругался. — В конце концов, мне всё-таки удалось заставить его поверить, что это слепой гнев дал вам такую мощь и разве ваш обморок, чуть позже, не показатель того, что вы израсходовали всю вашу силу, чем, может быть, даже причинили себе вред?

— Вы уверены, что он не расскажет эту историю кому-нибудь еще?

¹ "метание ствола" - шотландский национальный вид спорта; одно из главных соревнований на горском фестивале (ежегодные народные состязания и игры в Северном нагорье [Highlands]; проходят летом; в программу входят: "метание ствола" [tossing the caber], толкание ядра, метание молота, борьба, народные танцы под волынку).

— Да, даже если он вспомнит обо всем этом снова и начнет сомневаться в моих умных объяснениях. Я предельно ясно дал понять, что меня не обрадует, если я услышу о таких историях, распространяемых о клане, к которому теперь принадлежит моя любимая кузина. Я не угрожал принять ответные меры, разгласив несколько нелицеприятных историй о его семье, но он понял намек. Важнее вот что — был ли он единственным, кто видел вас в тот день? Он уверен, что только те проходимцы и женщина шепчутся о вас, но остаётся лишь надеяться, что не было больше никого, кто видел вас таким и, следовательно, некому было бы подтвердить распространяемые ими слухи.

Послав очередное проклятье в сторону этой зловещей возможности, Дженкин поспешно закончил работу, которой занимался, когда пришел Малькольм. С того момента, когда он, собрав завершённое, направился вон из комнаты, Малькольм следовал за ним по пятам, очевидно намереваясь накрепко запереть ворота после того, как Дженкин уедет. Дженкин чувствовал, что он уже близок к разгадке нескольких моментов в его родословной, но сохранность тайн МакНахтонов и безопасность Эфрики были для него превыше всего. Он всегда мог щедро заплатить Малькольму, чтобы продолжить работу с документами, зная, что этот человек сбережёт тайны МакНахтонов так же хорошо, как он защищал секреты своего собственного клана. В конце концов, люди, произошедшие от какой-то языческой жрицы, которая, по слухам, являлась оборотнем, с такой же лёгкостью могли быть заклеяны, как демоны или приспешники дьявола, как и любой МакНахтон.

Вернувшись в замок, Дженкин поторопился к своим апартаментам, чтобы спрятать свои исследования и отмыть руки от чернил. Затем он отправился на поиски Эфрики, чувствуя необходимость убедиться собственными глазами, что она невредима и хорошо представляет опасность, которая крадётся по следам её хорошеньких пяток.

В коридоре послышался странный шум, и Дженкин остановился, надеясь, что звук повторится, и он сможет определить точно, откуда он идет и стоит ли ему тащиться к его источнику.

— Проклятые кошки, — пробормотал человек, пробегая мимо Дженкина. — Ненавижу хитрых тварей, но они держат паразитов под контролем, да?

Дженкин вежливо согласился, и человек скрылся в комнате.

Теперь Дженкин понял, почему звук так сильно его заинтересовал. Он был похож на тот, что в битве испускает кошка. Только эта кошка, вероятно, оказалась лицом к лицу с двуногими паразитами, удержать которых под контролем вряд ли будет в состоянии. Он сосредоточенно прислушивался, благодарный за мертвую тишину коридора, в котором находился, и был вознагражден негромким звуком, который без сомнения был шипением. Слившись с тенью, двигаясь стремительно и бесшумно, Дженкин поспешил в направлении звука,

свидетельствовавшего, что Каллан в опасности. Интуиция подсказывала ему, что это Эфрика, и он почувствовал, как в крови вскипает ярость и острое охотничье возбуждение.

Стоя спиной к холодной каменной стене и лицом к двум мужчинам перед нею, Эфрика не видела возможного пути к спасению. Она думала, что достаточно осторожна, чтобы быть в безопасности, но, очевидно, не настолько, насколько следовало, так как дала этим подонкам шанс, которого те давно дожидались. Ей никогда бы и в голову не пришло, что для того, чтобы сбегать в уборную, она нуждается в телохранителе. Тот факт, что оба мужчины были в крови от нанесенных ею ран, конечно, радовал, но она знала, что эти раны дорого ей обойдутся, если она не выберется отсюда.

Негодяи ринулись на неё, и ей пришлось приложить все усилия, чтобы воспрепятствовать обоим мужчинам добраться до нее одновременно. На этот раз они не обманулись ее маленьким ростом и принадлежностью к женскому полу, полагая, что будет легко захватить и удержать ее. Когда Лаклейн с силой швырнул ее о стену, она удивилась, что еще не чувствует или не слышит треска ломающихся костей. Эфрика поняла, что они собираются отомстить ей, заставив страдать за те повреждения, которые она им нанесла. Когда мужчинам, наконец, удалось прижать ее к стене, девушка зашипела на них. Взглянув на их лица, она поняла, что во время схватки, очевидно, слишком явно продемонстрировала им свое происхождение. Но их краткое замешательство тут же исчезло, сменившись выражением жёсткой решимости. Эфрика знала, что бороться с ними больше не сможет, настолько она избита и обессилена.

И тут неожиданно позади мужчин появился Дженкин. Эфрика решила, что в этом образе, с волчьими глазами и оскаленными зубами, который он принимал порой, была своя особенная дикая красота. При взгляде на лица своих обидчиков, внезапно сбитых с ног и разлетевшихся в разные стороны, Эфрика поняла, что те не слышали и не видели прихода Дженкина. Томас растянулся на полу в нескольких футах от нее и не двигался, но Лаклейн начал приподниматься. Эфрика увидела, что Дженкин поворачивается прямо к этому негодяю, ярость все еще отражалась в его чертах, увидев которые, уже никто не смог бы их позабыть. Она из последних сил бросилась в его объятия и обвила руками за шею.

— Спрячь зубы, Дженкин, — прошептала она, стараясь удержаться в сознании до тех пор, пока не минует опасность.

Это было нелегко, но Дженкин обуздал свою ярость и жажду крови. Он сжал свои губы, прежде чем повернуться к Лаклейну. Запах их крови, сочившейся из порезов, оставленных ногтями Эфрики, еще больше осложнял контроль. Держа в руках дрожащую Эфрику, он неистово жаждал заставить ублюдков дорого поплатиться за то, что осмелились тронуть её, причинили ей боль и вынудили испытать такой страх.

— Когда я ещё раз посмотрю сюда, тебя и того куска падали тут быть не должно, — резко бросил Дженкин и снова обратился к все более слабеющей Эфрике. — Ты ранена.

Услышав рычание в его голосе, Эфрика с усилием проговорила:

— Ничего страшного. Меня немного оглушило, ну и пара ушибов, вот и всё. Не вздумай порвать им глотки. Пойдут разговоры, ты же понимаешь.

Дженкин громко вздохнул.

— Знаешь ты, как лишит мужчину всей радости жизни, девочка.

Эфрика попыталась улыбнуться, хотя и не была до конца уверена, что он шутит.

— Они ушли?

— А, да, унеслись прочь, точно удирающие крысы. Ну, может, чуть помедленнее, потому что одной крысе пришлось тащить другую. — Дженкин подхватил её на руки, когда понял, что, по всей видимости, только держась за его шею, она сохраняет вертикальное положение.

— Уж не собираешься ли ты упасть в обморок?

— Женщины Калланов никогда не падают в обморок.

Едва произнеся эти слова, она полностью обмякла в его руках, заставив его закатить глаза в ответ на её напускную браваду. Он не знал, где расположены ее комнаты, сделав своим принципом не знать. Оставались его апартаменты, но он не решался отнести её туда. Эфрика в его комнате, на его кровати – это могло предстать *большим* искушением, чем он был бы в силах преодолеть.

Дженкин направился в сторону сада, на поиски скамьи, где он мог бы посидеть и поддержать ее до тех пор, пока она не придет в себя. Если бы кто-то случайно увидел их там, то подумал бы, что это романтическое свидание двух любовников под луной.

Оказавшись в саду, Дженкин нашел скамью, расположенную между двумя тонкими рябинами, притулившимися у высокой стены, и сел. Он удобно устроил Эфрику на своих коленях и стал рассматривать ее лицо в мягком свете полной луны. Невзирая на то, что все еще жаждал убить тех негодяев, которые напали на нее, Дженкин был рад, что она снова остановила его. Он не хотел, чтобы она увидела, как он творит такое насилие. Тот факт, что она знала, что он может сделать с человеком, приводил его в смятение.

На мгновение он задался вопросом, уж не начал ли он стыдиться своей сущности, но затем покачал головой. Дженкин не придерживался холодного высокомерия предков, той слепой гордыни, благодаря которым они видели в Посторонних немногим больше, чем бессловесную скотину для пропитания, но он гордился тем, что он МакНахтон. МакНахтоны теперь стали более цивилизованными, больше уважали все живое. Это страх заставлял их так тщательно скрывать свою природу, – страх перед страшной судьбой, ожидающей любого, кого уличили бы как ведьму, чародея или демона. И это страх позволил Лаклейну и Томасу избежать

его ярости, страх увидеть выражение ужаса и отвращения на прекрасном лице Эфрики, когда он поднялся бы с тел этих двух мужчин с губами, обогранными их кровью. Да, Эфрика понимала, что он просто другой породы, чем она, а не одно из тех бездушных, восставших из мёртвых существ из неосвященных могил, которые питаются живыми людьми. Однако знать о его природе и наблюдать её проявления – две разные вещи. Дженкин знал, что если она отвернется от него со страхом и омерзением – это причинит ему несравнимо большую боль, чем он мог бы даже подумать. То, что он чувствовал к ней, далеко превзошло плотскую страсть и влечение.

Он прижался губами к ее лбу и глубоко вдохнул ее сладкий аромат. Даже мать Дэвида, женщина, на которой он хотел жениться и отметить как свою Пару, не задевала так глубоко его чувств, как эта хрупкая, изящная девушка. Эфрика была его истинной половинкой, и теперь, держа ее в своих руках, он думал о том, что никогда ещё так остро не ощущал своего одиночества, зная, что не сможет притязать на неё. Теперь, на этом фоне его бывшее ощущение своей обособленности казалось не более чем скверным настроением. Несмотря на то, что она всячески заботилась о нём и, – он уверен, – желала его, он был вынужден отказаться от искушения попытаться покорить ее сердце. Она была женщиной, которая любила сады, солнце и детей. Он же мог дать ей только тени, комнаты без окон и, весьма вероятно, бесплодие. Он не мог так поступить ней.

Девушка пошевелилась в его руках и медленно открыла глаза. Дженкин смотрел в ее теплые, мягкие янтарные глаза и чувствовал такое смятение от наплыва эмоций, что испытал желание отбросить её от себя и скрыться в горах. Вместо этого он поцеловал ее, – как раз, когда насмешливый голос в его голове обозвал его идиотом.

Эфрика изумилась, когда губы Дженкина соприкоснулись с ее. Какой-то краткий миг она сопротивлялась искушению ответить на его поцелуй. Обвив руками его шею, она сказала себе, что случайное прегрешение, по здравом размышлении, ей не повредит. Когда она приоткрыла губы, позволяя поцелую стать более интимным, хватило одного прикосновения его языка, чтобы изгнать все её последние предостерегающие угрызения. Жар желания выжег все мысли, кроме того, как хорош он на вкус, и насколько живыми он сделал все ее ощущения. Руки Дженкина ласкали ее тело, и вскоре уже ее била дрожь от болезненной жажды его прикосновений в тех местах, которых он так тщательно избегал. Она как раз подумала о том, как сильно хотела бы почувствовать его кожу под своими руками, когда он зарылся своими длинными пальцами в ее волосы, и боль пронзила ей голову.

Дженкин услышал ее стон, и она слегка дернулась в его руках. Он даже оторопел на какой-то момент, когда понял, что это не страсть заставила ее сделать так. Дженкин быстро развернул ее на своих коленях, чтобы осмотреть затылок и почувствовал облегчение,

обнаружив, что опухоль, которая там была, не слишком велика, однако ранку требовалось промыть.

— Я думала, мы не будем больше этого делать, — сказала Эфрика, когда почувствовала, что может говорить спокойно.

— Не делали и не будем, — ответил Дженкин, поставил ее на ноги и встал сам. Он быстро обхватил своей твердой рукой ее тонкие плечики, когда девушка слегка покачнулась. — Это неблагоразумно, тем более что мы будем проводить время вместе. Где твои комнаты?

— Почему мы должны проводить время вместе? — спросила его Эфрика, когда он провожал ее обратно в замок.

— Если не брать во внимание, что на тебя охотятся двое проходимцев? — Дженкин кивнул, когда она нахмурилась, и быстро пересказал ей слова Малькольма. — В какой-то степени я нуждаюсь в твоей защите так же, как и ты нуждаешься в моей. Хотя это и несправедливо, ты не сможешь ни разоблачить, ни предъявить обвинения тем двум ублюдкам в том, что они сделали, потому что тебя с лёгкостью могут счесть виновной в их действиях или заставят выйти замуж за одного из них. Мне придётся строить из себя придворного в большей степени, чем раньше. Моё самоустранение от всех этих сборищ дало слухам и опасным перешёптываниям благодатную почву для роста. — Остановившись перед дверью в ее комнату, он открыл ее и мягко, но решительно втолкнул девушку внутрь. — Увидимся завтра. Не забудь промыть рану на голове.

Дженкин закрыл дверь, не удивленный ее растерянным видом. Это было невежливое прощание. Хотя он знал, что она в синяках и избита, искушение проследовать за ней в комнату и продолжить начатое в саду, было слишком сильно, чтоб противиться ему. Требовалось охладить огонь в своей крови прежде, чем приближаться к ней снова.

Двигаясь в сторону собственной спальни, Дженкин заметил в её дверях леди Элеонор. Слившись с тенью, он сменил направление и вернулся в сад.

Дженкин поднял глаза на полную луну и подумал о королевских охотничьих угодьях неподалёку от стен замка. Охота ослабила бы жажду крови, которая все еще гудела в его венах после того, как снова пришлось позволить Лаклейну и Томасу ускользнуть на свободу. К тому же, это могло ослабить тугой узел неудовлетворенного желания, скрутившего его нутро. Презрев рискованность этой затеи, он покинул сад и направился к королевским охотничьим угодьям. Этой ночью он насытится.

Глава 7

Эфрика напряглась, завидев, что к ней приближается леди Элеонор. Они с Дженкином исполняли роль охранников друг друга всего лишь один день, но Эфрика была уверена, что женщина идёт поговорить с ней о нем. Вчера вечером девушка несколько раз перехватывала такой взгляд леди Элеонор, которым та наблюдала за ними с Дженкином, что её даже озноб пробирал. Дженкин не доверял этой женщине и не хотел быть с нею, но Эфрика не думала, что он видел в ней реальную угрозу.

— И где же ваш чемпион²? — спросила леди Элеонор, подойдя почти вплотную к Эфрике с холодной приветственной улыбкой на лице.

— Мой кто? — спросила Эфрика, настроенная не позволить этой женщине запугать ее.

— Дженкин, конечно. Я полагаю, он цепляется за вашу юбку, чтобы держать Лаклейна и Томаса на расстоянии.

— Как мой кинсман³, он, естественно, хотел бы, что эти двое держались от меня подальше. Они создавали мне проблемы.

— Дженкин – ваш кинсман? Я понятия не имела, что МакНахтоны и Калланы находятся в родстве.

— Моя сестра замужем за лэрдом Дженкина, который приходится ему кузеном.

— Едва ли это делает его вашим кинсманом, — раздраженно бросила леди Элеонор, но тут же справилась с собой. — Вы и вправду можете быть такой наивной, да? Разве вы не слышали о репутации этого мужчины? Он ненасытен.

Снисходительный тон советчицы, который приняла Элеонор, заставил Эфрику стиснуть зубы.

— Вполне возможно, миледи, но не думаю, что Дженкину пришло бы в голову обесчестить сестру жены своего брата. — Взгляд, которым леди Элеонор уставилась на нее, заставил Эфрику почувствовать себя неуютно, казалось, светло-голубые глаза женщины пронизывают её душу насквозь. — Дженкин считает своим долгом защитить меня от дальнейших оскорблений.

— Вы рассматриваете желание молодых Лаклейна и Томаса сделать вас женой одному из них оскорблением?

— Их манера ухаживания не очень мне импонирует.

— Я думаю, что вы, скорее, предпочтете манеру ухаживания вашего кинсмана. Ах, но какая женщина не предпочла бы, а? Он из того типа мужчин, кто без труда заставляет женщину потерять всякое здравомыслие и осторожность. Многие из них пали жертвой его красоты и обаяния. Мне совсем не хочется увидеть такую молодую и невинную девушку, как вы,

² Слово «champion» в английском языке помимо своего основного значения, также означает «защитник».

³ Кинсман – близкий родственник мужского пола.

обманутой сладостной ложью, которую он произносит так складно. Как было со мной, — прибавила она со скорбным вздохом.

Если женщина решила дожидаться сочувствия от Эфрики, то скорее рассыплется в прах на том месте, где стоит. Достаточно плохо, что лживая бестия разговаривала с ней, словно с неразумным ребенком. Но то, что леди Элеонор разыгрывала роль невинной, обольщенной, а затем брошенной бессердечным любовником, буквально приводило девушку в бешенство. Она что, действительно думает, что Эфрика настолько глупа, что поверит этому?

Эфрике пришлось признаться себе, что частично ее ярость была вызвана болью. Как личность леди Элеонор могла быть отвратительна аки смертный грех, однако внешне она была красива, очень даже красива. Смотреть на эту женщину и знать, что Дженкин держал ее в объятиях, целовал, ласкал, занимался с ней любовью, заставляло Эфрику страдать, будто от открытой кровоточащей раны в душе. В этот момент Эфрика не была уверена, кого сейчас ненавидит больше — Элеонор, за то, что та напомнила ей о распущенности Дженкина и обо всех его любовницах, или Дженкина — за то, что он так свободно расточал свою благосклонность.

Но сейчас было не время обнаруживать свои чувства, размышляла она. Женщина, стоявшая перед нею, хотела нащупать ее уязвимое место, и Эфрика поняла, что оно у нее есть. Ее сердце не слушалось ни одного из ее наставлений, не верило ни единой лжи, которую она сама себе напридумывала. Оно жило своей счастливой жизнью. Эфрика знала, что если она уже не любила Дженкина, то находится лишь в поцелуе от этого чувства.

— Мне жаль, если вы чувствуете, что с вами плохо обошлись, миледи, — промолвила Эфрика, про себя желая, чтобы женщина убралась отсюда, и желательно как можно дальше. Франция, к примеру, могла бы стать неплохим началом.

— Такие вещи случаются. Следует учиться на них. Да, и стараться передать этот опыт другим, попытаться уберечь от жестокого разочарования, которое могут причинить подобные мужчины. О, но, несмотря на мои муки, у меня есть некоторые оправдания. Если уж отступить от стези добродетели и здравого смысла, то невозможно желать лучшего любовника, чтобы сбиться с пути истинного. Столь неистового в своей страсти, столь опытного. Но я не должна говорить так откровенно с подобной невинностью.

Эфрика подозревала, что дай она леди Элеонор малейший повод, та не замедлит говорить еще более прямо, но она не собиралась дарить ей такой шанс. Самой последней вещью, которую ей хотелось бы услышать, были какие-либо интимные подробности этой интрижки. В своём собственном воображении девушка и так представляла себе гораздо больше, чем способна была вынести.

— Да, наверное, вы не должны. — Судя по слегка расширившимся светло-голубым глазам леди Элеонор, Эфрике не удалось сдержать в голосе нотки всё возрастающей ярости.

— Но сейчас, дитя, вы не должны думать плохо о Дженкине. Он — всего лишь мужчина, а они всегда ищут удовольствие, где только могут. Такова их животная натура. Мне следовало быть более благоразумной. Как вдове, всего лишь несколькими годами старше вас, мне простительны некоторые прегрешения против здравого смысла. — Элеонор улыбнулась и покачала головой. — Признаюсь, очень приятные прегрешения. Мой покойный муж был намного старше меня, так что я понятия не имела, что страсть может быть такой чудесной, что мужчина может лишить женщину рассудка одним прикосновением руки или поцелуем.

Еще одно подобное откровение – и Эфрика опасалась, что ей придется уйти, не то она выпарапает столь восхваляемые глаза женщины. Ревность разрывала ей душу. Это было настоящим безумием. Несмотря на чувства, в которых она только что призналась себе, девушка все же считала, что Дженкин совершенно ей не подходит, так что она не имела права негодовать, обнаружив, что он ищет удовольствий где-то в другом месте. Особенно, если это удовольствие было получено даже до того, как она прибыла ко двору. Однако всё равно, этих здравых рассуждений было мало, чтобы ослабить боль, которую она испытывала.

— Странно, что он еще не пришел, чтобы стоять на страже подле вас, — проворковала леди Элеонор. — Надеюсь, он не болен и не травмирован?

Было что-то в интонации леди Элеонор, что заставило Эфрику почувствовать растущую тревогу, перекрывающую ее страдания и боль.

— Дженкин часто отсутствует на подобных мероприятиях.

— Да, но я все же полагала, что его потребность защитить вас положила конец его добровольному изгнанию.

— У него была работа.

— Конечно. Это, должно быть, то, к чему он нынче имеет склонность – его работа. А, вот и мой хороший друг, леди Беатрис. Я должна поговорить с ней. Было приятно побеседовать с вами, мисс Каллан.

Ага, столь же приятно, как если выдернуть зуб, подумала Эфрика, бормоча вежливые слова прощания. Но быстрый взгляд, которым она окинула лицо леди Беатрис, когда леди Элеонор приблизилась к ней, убедил Эфрику, что леди Беатрис отнюдь не считает рыжеволосую своим другом. Эфрика не удивилась бы, узнав, что бедная леди имеет неверного мужа или же, по крайней мере, думает, что он таков.

Эфрика посмотрела на вход в большой зал и нахмурилась. Слова леди Элеонор относительно отсутствия Дженкина встревожили ее. Рыжая лисица отлично знала, что Дженкин избегал многих придворных собраний, так же, как он избегал и ее. Тот оттенок беспокойности в её голосе был наигранным: в этом сомнений не было. Было ли это предупреждением или упоминание о возможной болезни или травме Дженкина

предназначалось для того, чтобы заставить Эфрику делать то, что она и делает — терзаться беспокойством?

Решив, что она попросту сойдёт с ума, если ничего не предпримет, Эфрика поискала глазами Дэвида. Кода она, наконец, заметила его вдалеке, он смотрел в сторону входа в большой зал и хмурился. Скорее всего, он ожидал появления Дженкина, и сознание, что тому уже следовало бы быть здесь, только добавило Эфрике нехороших предчувствий. Она медленно направилась туда, где Дэвид стоял рядом с застенчиво краснеющей Фионой. К ее облегчению, как раз, когда Эфрика достигла Дэвида, Фиона отошла поговорить со своей матерью.

— Дэвид, ваш отец говорил, что будет здесь сегодня вечером? — спросила она.

— Да, — отозвался он. — Я только удивляюсь, что могло его так задержать.

Эфрика моментально передала ему слова леди Элеонор и объяснила, почему это ее так взволновало.

— Учитывая все обстоятельства, вероятно, это было сказано только для того, чтобы ввергнуть меня в беспокойство, и все же...

— Вот именно: и все же.... Только позвольте мне сообщить Фионе, что я должен уйти ненадолго, и я пойду с вами искать его.

Минуту спустя Дэвид уже сопровождал ее, выходя из большого зала. Тот факт, что он счёл необходимым самому убедиться в том, что с отцом всё в порядке, заставлял Эфрику лучше воспринимать свои собственные тревожные ощущения. По крайней мере, она не чувствовала бы себя глупо, если бы отсутствию Дженкина нашлось простое объяснение.

— Может, он слишком увлекся своей работой, — предположила Эфрика, продевая руку под локоть Дэвида, когда они направились вдоль тускло освещенного коридора.

— Нет. Он как раз собирался купаться, когда я намеревался уйти. Он велел мне присмотреть за вами, пока сам не сможет подойти. Хотя я знаю, леди Элеонор вам неприятна, но я все же не рассматриваю ее как реальную угрозу. — Он покраснел. — После того, как мой отец отвернулся от нее, она попыталась забраться в мою постель. Рассчитывая причинить боль моему отцу или оскорбить его, подозреваю.

— О, Дэвид! Вы не могли!

— Нет! Признаюсь, это было тяжким искушением, но к тому времени я уже встретил Фиону и понял, что она и есть та девушка, которую я искал. Мне не хотелось бы, чтобы эта змея подкрадывалась к Фионе и нащёптывала ей в уши свои ядовитые гадости. Подозреваю, именно это леди Элеонор с вами и сделала, так?

— Ну, да, но я знаю, что ваш отец никому ничем не обязан. То, что он делает — это его личное дело, и больше ничье. — Она нахмурилась, когда он фыркнул.

— Если хотите, можете лгать самой себе, Эфрика Каллан, но не ждите, что кто-нибудь этому поверит. От вас и от моего отца прямо-таки разит желанием, стоит вам оказаться в пределах видимости друг друга. — Он сдержанно улыбнулся, когда она, шокированная, буквально задохнулась. — Не надо так сильно кипеть от возмущения. Я же говорю не о похоти, а о том возвышенном желании, крошечной частью которого является плотская страсть. Я не понимаю, почему бы вам двоим не оставить все эти танцы и просто не примириться с этим.

— Ваш отец не нуждается в еще одной женщине. Он уже и так имел их больше, чем следовало.

— Ах, Эффи, вы же, как и я, отлично понимаете, что те женщины для него ничего не значили. Если бы не так, он все еще был бы с нею. И точно также вы знаете, что МакНахтоны свободны в своих увлечениях, пока не найдут свою Истинную Пару. — Он пожал плечами. — Природа зверя, я полагаю.

— Вы же не были таким.

— И я был. Хотя не настолько распущенным, как некоторые. Но я приехал сюда, чтобы найти жену, так ведь? А мой отец — нет, и, поверьте мне, он ни за кем не ухаживал и никого не совращал. Нет, предложения посыпались на него, едва он впервые вошел в большой зал. Застенчивые или дерзкие, но по большей части откровенно развратные. Не будучи ничем связанным, он их принимал. Если бы вы двое прекратили играть в ту странную игру, что вы играете, ни одно предложение больше не было бы принято.

— Я люблю солнце, — прошептала Эфрика, не в силах отрицать доводы Дэвида.

Дэвид остановился и посмотрел на нее, уперев руки в бока.

— Так же, как Бриджет и ее ребятишки. Чуть только солнце соизволит блеснуть, они выходят на улицу. Я думал, вы приняли то, кем мы являемся.

— Не будьте идиотом. Конечно, я... — Она напряглась и схватила его за руку, — Вы слышали это? — спросила она, но по расслабленности его тела поняла, что он не слышал. — Сталь на сталь.

— Ваш слух острее, чем мой, полагаю. Откуда это доносится?

На секунду внимательно прислушавшись, Эфрика ахнула.

— Из апартаментов Дженкина.

Дэвид тут же растворился в тени и бесшумно устремился вперед со скоростью, которая порядком впечатлила Эфрику, когда ей пришлось поднажать, чтобы поспеть за ним. Несомненно, этому свойству МакНахтонов можно было только позавидовать. Она почти столкнулась с ним, когда он внезапно резко остановился. Выглянув из-за его плеча, девушка чуть не вскрикнула и побежала мимо него. Дженкин сражался с тремя мужчинами. Еще один человек уже растянулся на полу и выглядел мертвым, либо умирающим. Все они очень

походили на наемных убийц, и у Эфрики появились кое-какие подозрения относительно того, кто их нанял. Когда она поняла, что Дженкин сражался с ними так, как сражался бы на его месте любой обычный человек, не используя многие навыки, которыми одарила его кровь МакНахтонов, она чуть не выругалась. Даже выражение лица, хотя и, безусловно, жестокое, контролировалось им. Он, очевидно, боялся быть пойманным на том, что МакНахтоны делали так замечательно – на вселении страха Божия в своих врагов. И это, внезапно поняла она, было тем, почему Дэвид остановился и всё ещё колебался.

— Идите, — зашипела она. — Сделайте то, что вы делаете лучше всего и позвольте своему отцу сделать то же самое. Я предупрежу, если кто-то приблизится.

— Вы можете сделать это?

— Да. Если только я настрою свои способности на это, то смогу сказать вам, кто только что рыгнул в большом зале. Идите.

Эфрика чуть было не пропустила атаку Дэвида, настолько стремительным было его движение. Хотя какая-то ее любопытная часть хотела понаблюдать за сражением, она переключила свой разум на защиту тыла МакНахтонов. Лучше, чем кто-либо в ее роду, она умела игнорировать звуки, которые не расценивались ею, как опасные, и прислушиваться к другим. Ее хвастовство перед Дэвидом было преувеличением, но не таким уж и большим. Но, так или иначе, она не ждала, что бой продлится слишком уж долго. Как только Дэвид и его отец обрушат всю свирепость МакНахтонов на своих противников, те, кто не умрёт сразу, с воплями помчатся в ночную тьму.

Наступившая тишина сообщила ей о конце схватки. Так как она стояла у единственного выхода из коридора, и никто не пробежал мимо нее, Эфрика решила, что двоих МакНахтонов в их полном великолепии оказалось более чем достаточно, чтобы справиться с четырьмя наемниками. Когда же она обернулась, чтобы присоединиться к победителям, то увидела Дэвида, склонившегося над Дженкином, который сидел на полу, прислонившись спиной к стене. Эфрика вдруг вспомнила свою сестру, которая как-то рассказывала ей, что МакНахтоны фактически не были бессмертны, просто они так долго жили, что можно было легко подумать, будто так оно и есть. И ещё Бриджет говорила, что МакНахтона убить очень трудно, но всё же можно. И она даже сказала, как. Эфрика вспомнила один из вариантов – быстрая потеря слишком большого количества крови, — и бросилась к Дженкину.

— Проклятье, отец, когда это ты стал таким разборчивым? — резко бросил Дэвид, когда она опустилась на колени рядом с Дженкином.

Эфрика была потрясена количеством ран, которые были нанесены Дженкину. Дэвид обнажил грудь Дженкина, и она насчитала там три ранения, на его обтягивающих брюках тоже была кровь, а звук медленно падающих капель позади него означал, что, по крайней мере, одна

рана находится у него на спине. Однако, что действительно ее встревожило, так это то, что ни одна из ран не показывала и признаков заживления. Его тело Чистокровного должно было уже начать исцеляться. Эфрика могла даже припомнить, как Бриджет рассказывала ей, что однажды очень сильно исцарапала своими ногтями лицо Дженкина, и как же она была поражена, когда эти царапины затянулись прямо у нее на глазах. Эфрика же не видела и намека на это чудо.

И тут внезапно она поняла, что может быть причиной этого. Дженкин потерял слишком много крови, чтобы суметь излечить себя. Он нуждался в крови, но судя по виду тел, разбросанных вокруг них, ни он, ни Дэвид не взяли ее у мужчин. За исключением мужчины, который был сражен мечом Дженкина и все еще цеплялся за уходящую жизнь, остальные трое были убиты очень аккуратно. Эфрика подозревала, что это было сделано для того, чтобы избежать любой случайности, если вдруг кто-то увидит тела и сможет рассказать об этом. Поднимаясь на ноги, Эфрика спросила себя, почему она не испытывает никаких сомнений в том, что собиралась предложить, и затем поняла, что это потому, что наемники намеревались убить Дженкина. Наименьшее, что этот выживший убийца мог сделать, прежде чем умереть – поддержать Дженкину жизнь, которую он так стремился отобрать.

— Этот все еще жив, — спокойно сказала Эфрика, указывая на мужчину, которого Дженкин сразил мечом. Девушка не обратила внимания на насторожённые взгляды, которыми одарили её отец с сыном. — Я слышу предсмертный хрип из его горла, так что не стала бы медлить.

— Я думал, он мог быть уже мертвым, — пробормотал Дженкин.

— Нет, в нем еще есть жизнь, но она быстро покидает его. Я буду ждать тебя в твоих покоях.

Эфрика преодолела несколько футов до его двери и вошла в комнату. Закрывая за собой дверь, она мельком заметила Дэвида, который чуть ли не силой тащил своего отца к умирающему наемнику. На мгновение девушка испугалась, уж не сделала ли она или не сказала что-то такое, что заставило Дженкина с такой неохотой делать то, что должно было спасти его жизнь, но тут же избавилась от чувства вины. Эфрика была совершенно уверена, что не допустила промашки, но Дженкин очевидно хорошо знал, какими чудовищными находят Посторонние такие потребности. Девушка только надеялась, что он скоро поймет – она не одна из них. Для нее теперь стало очень важным, чтобы Дженкин узнал, что она принимает его всего, вместе с тем, кем он был.

Глава 8

Дженкин с отвращением скривился, когда вместе с Дэвидом бесшумно столкнул тело последнего наемника в воду. Нелегко было вытащить все четыре трупа из замка, но удача была на их стороне. Мало того, что никто в замке их не заметил, так и вечерняя непогода скрыла луну, подарив им столь необходимый сумрак, в котором они могли укрыться, сваливая тела в небольшой ручей, протекающий недалеко от стен замка. Тела, конечно, были бы быстро обнаружены, поскольку ручей был неглубок, но только тот, кто нанял мужчин, будет в состоянии предположить, что с ними случилось.

— Я не могу поверить, что ты вдруг собрался позволить себе умереть, — недовольно проворчал Дэвид, когда они спешно возвращались в замок.

— Ну, не думаю, что я бы умер, — сказал Дженкин. — Мы могли бы что-нибудь сделать с ранами, чтобы замедлить кровотечение, а немного моего вина....

— Умер бы. Даже сейчас ты еще не в полной мере восстановил свои силы. Если бы не так, перетаскивание двух тел к ручью не вогнало бы тебя в пот. Почему? Потому что Эффи была там?

Дженкин вздохнул.

— И да, и нет. Подумай, Дэвид. Представь, какие понеслись бы слухи, если бы обнаружили четверо мужчин с разорванным горлом. Такие вещи разжигают страхи и суеверия. Как только пойдут шепотки, сразу же начнут выискивать тех, кто хоть чем-то отличен от остальных. А на сей раз под подозрение вполне могли бы попасть и Эфрика с ее кузенком. При дворе есть двое мужчин, которые видели вблизи, как ведёт себя Каллан, когда её атакуют. И те же двое мужчин могут начать строить догадки, каким образом мне удалось разбросать их с такой легкостью. Правда, по словам Малькольма, при дворе уже и так перешёптываются.

Дэвид выругался, потом нахмурился:

— Так это все не от того, что Эфрика могла бы увидеть, как ты питаешься?

На мгновение Дженкин подумал было соврать своему сыну, но потом отказался от этого.

— Посторонним очень тяжело наблюдать за этим. Это слишком сильно характеризует нас как хищников, а их подразумевает добычей. Поверь, нет ничего, что пугало бы человека больше, чем сознание, что он — еда. Даже я чувствовал, как от страха стынет кровь, слушая ночной волчий вой. Это то, что пустило в нас глубокие корни, то, что вероятно возвращает нас к тем далёким туманным временам, когда люди без сомнения были больше добычей, чем хищниками. Полагаю, я просто не хотел увидеть страх в глазах Эфрики, или, чтобы она видела во мне больше чудовище, чем мужчину. Впрочем, как только холод начал просачиваться в мои пустеющие вены, тот самый холод, который слишком часто предвещает смерть, я начал думать, что я самый большой глупец, потому что все еще колеблюсь.

— А потом она сказала тебе сделать это.

Они ступили внутрь замка, выйдя из-под дождя, и Дженкин, так же, как и Дэвид, приостановился, чтобы стряхнуть воду со своей одежды и с волос.

— Да, сказала. И всё же ушла, не осталась со мной.

— Я думаю, она сделала это ради тебя. Она умная девушка и многое о нас знает. Я подозреваю, она быстро догадалась, в чём ты нуждаешься и почему не захотел взять этого. Она дала тебе знать, что ей известно, что тебе требуется для самоисцеления, а потом предоставила тебе уединение, которого ты, казалось, и хотел.

— Да, согласен, думаю, так оно и было. Это похоже на нее. — Он удивленно посмотрел на сына, когда тот выругался.

— Вас двоих хватит, чтобы рехнуться. Она – твоя Пара, ведь так?

— Дэвид...

— Да, так и есть. Так почему бы тебе не посвататься к ней и не заявить на неё права, как на свою истинную половинку?

— Потому что я не верю, что из этого получилось бы что-нибудь путное и в итоге мы оба только заставили бы друг друга страдать. Да, мы могли бы пойти на компромиссы, как Кахал и Бриджет, но есть одно, о чём Эфрика страстно мечтает, и чего ей будет не хватать, – но дать это ей я не могу.

— Что это?

— Дети. Ты – единственный ребенок, которого я породил, Дэвид, а я удовлетворял свои потребности с женщинами на протяжении лет тридцати или около того. Даже Кахал, мужчина обоих миров, опасался, что будет не в состоянии зачать дитя. Несмотря на то, что братья Эфрики, бывая у нас с визитами, делят постель со многими Чистокровными женщинами, родилось всего двое ребятишек.

Дэвид вздохнул и запустил пятерню в свои волосы, когда они остановились перед дверью комнаты Дженкина:

— Хорошо, тогда почему не стать любовниками? По крайней мере, у вас было бы хоть это.

— И кто бы потом взял ее в жены? Мужчины предпочитают, чтобы их жены были непорочны, когда приходят на брачное ложе.

— Если только за той женой нет огромного приданого, с прекрасным участком земли вдобавок, чтобы подсластить пилюлю. Может, я и эгоистичный ублюдок, но будь я на твоём месте – я бы взял все, что смог. Я насытил бы себя упоительными воспоминаниями, спрятав их в своём сердце, чтобы потом, когда снова останусь один, возрождать их в своей памяти. Так, не пойти ли мне помыться, а потом быстренько вернуться в зал, пока моя Фиона не подумала, что я бросил ее?

Дженкин проводил взглядом сына, затем обернулся и хмуро посмотрел на дверь своей комнаты. Почему бы не стать любовниками? Даже сама мысль о том, чтобы стать любовником леди Эфрики заставила его колени подогнуться от слабости, словно он был неопытным юнцом, желающим поскорее избавиться от девственности. Проклиная сына за то, что он поселил в его голове подобную идею, Дженкин вошел в комнату. Когда Эфрика оторвалась от созерцания горящего огня в камине и улыбнулась ему, на душе стало так, будто он вернулся домой, и Дженкин тихонько застонал. Почему бы не стать любовниками? Дженкин подошёл к кровати и резким движением бросился на неё, уже зная, что один только слабый намёк на радушие со стороны Эфрики – и он поддастся искушению начать создавать кое-какие из тех самых сладостных воспоминаний.

Эфрика сделала несколько шагов и остановилась у кровати.

— Ты все еще слаб? Не хочешь ли немного своего вина? — Она нахмурилась, только сейчас заметив состояние его одежды. — Почему ты такой мокрый?

— Нет. Да. Это из-за дождя. — Ему пришлось сдерживать усмешку, когда она закатила свои прекрасные глаза.

— Зачем ты выходил под дождь?

— Ах, ну нельзя же было оставить четверых мертвецов валяться в коридоре, так ведь? Мы вместе с Дэвидом вынесли их за пределы стен и скинули в ручей. Удача сопутствовала нам. Никто не попался навстречу, когда мы выходили из замка, и непогода скрыла нас, когда мы шли к ручью. Так что единственный, кто будет знать, что случилось с этими людьми, когда найдут тела – это тот, кто их нанял. А он ничего не скажет, я уверен.

— Она, — поправила Эфрика, и неодобрительно наморщилась, глядя на его заляпанные грязью сапоги. — Ну-ка, позволь мне снять их, пока ты вконец не испортил свою постель.

— Она? — переспросил Дженкин, и рассеянно сдвинулся, давая Эфрике стянуть с него обувь.

— Да. Полагаю, что это твоя любовница леди Элеонор наняла их.

В её словах звучала явная подковырка, и Дженкин заметил:

— Моя бывшая любовница. Бывшая ею лишь очень короткое время много недель назад. Мне следовало бы удивиться, что женщина наняла наемников, чтобы убить мужчину, но меня это не поражает. Леди Элеонор – холодная и порочная. Самовлюблённое тщеславие, вырядившееся в роскошные одежды. Как ты узнала, что это она?

Эфрика взяла полотенце и, пересказывая происшедшее, начала вытирать ему волосы. Когда же девушка посмотрела на Дженкина, тот широко улыбался ей, отчего ей подумалось, что он как-то странно реагирует на её рассказ. И только тут она поняла, что на самом деле делает, и тихонько чертыхнулась.

— О чем это я только думаю, — пробормотала Эфрика, недовольно глядя на полотенце.

— О том, что я – мокрый?

— Это привычка, знаешь ли. Кто-то приходит мокрым – и ты спешишь, чтобы обсушить его и согреть, чтобы он не подхватил лихорадку, но ведь для тебя это не проблема?

— Нет, но не стесняйся, продолжай.

В его глазах промелькнула какая-то странная вспышка, как будто он бросал ей вызов. И Эфрика поймала себя на том, что чувствует некое изменение в нём, как будто он больше не стремился сохранять дистанцию между ними. Возможно, размышляла она, его так же затронуло это столкновение со смертью, как и её саму. Когда Эфрика увидела его раны и поняла, что он, скорее всего, умрет, если сейчас же не насытится, она решила, что отныне перестанет врать самой себе, прекратит свои попытки убежать от своих чувств к нему. Эфрика не была уверена, что в его чувствах к ней есть что-либо еще, кроме похоти и некоторой симпатии, но сейчас она была согласна и на это. Сама она еще сомневалась, может ли существовать их какое-либо совместное будущее, но у них определенно было «здесь и сейчас», и девушка собиралась ухватиться хотя бы за это. Если потом ничего не останется, – по крайней мере, она могла бы накопить побольше прекрасных воспоминаний, чтобы согревать свое сердце всякий раз, когда почувствует себя одинокой.

Когда Эфрика начала развязывать шнурки на его камзоле, Дженкин напрягся. Ее мягкая, ласковая улыбка и то, как она продолжала поглядывать на него из-под своих длинных ресниц, согрели его кожу стремительнее, чем смог бы огонь. Он не был уверен, была ли она настолько невинна, чтобы не понимать, как это воздействует на него, или же она вела какую-то игру. Расстегнув его камзол до пояса, она положила ладони на его грудь, и Дженкину пришлось изо всех сил стиснуть кулаки, чтобы не сгрести её в охапку и не бросить на кровать. Если бы она была опытной женщиной, он бы знал точно, чего она добивается. Но с Эфрикой он боялся ошибиться.

Эфрика почувствовала жар его кожи под своими ладонями и слегка затрепетала. Грудь Дженкина была широкой, сила явственно ощущалась под его гладкой прекрасной кожей. Тот крошечный проблеск нерешительности, который она почувствовала секунду назад, исчез безвозвратно. Может, им не суждено быть вместе навсегда, но сейчас ее сердце и тело ни в коей мере не заботило будущее. Будет очень больно, когда время, отведённое им провести вместе, подойдет к концу, и каждый вернется к своей обычной жизни, но, по крайней мере, меньше сожалений будет примешиваться к этой боли. Она сможет закрыть глаза и вспоминать их общую страсть, вместо того, чтобы мучиться, представляя, как бы это могло быть. Эфрика наклонилась и поцеловала его в грудь, чувствуя, как он вздрогнул под ее губами.

Это было самым явным приглашением, которое он когда-либо получал, но Дженкин чувствовал, что просто обязан дать ей еще один, последний шанс спастись, сохранив свое целомудрие.

— Опасно, девочка. Ей богу, это слишком опасно.

— Вот это? — Она положила ладони на его широкие плечи, чувствуя, как от его пылающего взгляда в ее венах забурлила кровь. — Тогда, что насчёт этого? — И Эфрика поцеловала его.

— Безумие, — прошептал он, в целующие его губы, и рванул её в свои объятия.

У Дженкина больше не доставало силы воли, чтобы продолжать отказываться от того дара, который она предлагала. Целуя его, пока он торопливо расшнуровывал её платье, Эфрика продемонстрировала, что очень быстро постигла все тонкости поцелуев. Ему было необходимо видеть её, ощущать её нежную кожу своей. Дженкин почувствовал, что ее маленькие ручки нетерпеливо дёргают завязки на его поясе, и понял, что и она испытывает ту же потребность. Теперь пути назад уже не было.

Когда платье Эфрики упало на пол, Дженкин выпрямился и через голову стянул с неё сорочку. Несмотря на то, что его пробирала дрожь нетерпения, он все же улыбнулся, увидев, что она носит панталончики. Он быстро стянул их, затем последовали ее чулки и туфли, после чего Дженкин чуть ли не бросил ее на свою кровать. Срывая с себя оставшуюся одежду, Дженкин мельком подумал: куда же подевались все его отточенные навыки соблазнения?

Эфрика успела окинуть обнажённого Дженкина долгим взглядом до того, как он возлёт на неё, целуя. Его поцелуй стремительно вытеснил тот краткий миг тревоги, испытанной ею, когда она заметила размер той части его тела, которую он вскоре будет пытаться втиснуть в нее. Эфрика провела руками по его сильной спине, откинув голову так, чтобы ему было удобнее усеивать страстными поцелуями её шею. Тихие вскрики удовольствия вырывались у неё, пока Дженкин ласкал её груди своими узкими изящными ладонями.

— Ах, Эфрика, ты так невыносимо прекрасна. Такая нежная и сладкая на вкус, — пробормотал он, целуя ложбинку между ее полными грудями.

Дженкин обхватил губами ее болезненно напрягшийся сосок и нежно втянул его в себя. Эфрика полностью отдалась удовольствию, захлестнувшему её. Только, когда он скользнул рукой между ее ног, она пришла в себя, но его искусные пальцы моментально изгнали все её сомнения и шок от такого интимного прикосновения. Эфрика не признавала уже больше ничего, кроме как ощущения его тела под своими ладонями, его аромата и его прикосновений. К тому времени, когда он опустил прямо между ее бедрами, и она почувствовала, как он легонько толкнулся внутрь неё, она уже изнемогала от силы своего желания.

— Это может быть чуточку больно, любовь моя, — сказал Дженкин, покрывшись крошечными бисеринками пота из-за своей борьбы с безумным желанием немедленно вторгнуться в ее теплоту и продолжать вонзаться, пока почти болезненная потребность, владеющая им, не будет удовлетворена.

— Покончи с этим.

Дженкин чуть было не рассмеялся. Если бы не все признаки страсти, пылающей так же горячо и неистово, как и его собственная, он вполне мог бы превратно понять эти отрывистые слова. И тут он решил, что она, вероятно, права – сделать это быстро будет для нее лучше всего. Дженкин обхватил ее стройные бедра и одним ударом вошёл глубоко в нее. Прижавшись лицом к прохладной наволочке подушки под её головой, он сражался с собой, давая ей время привыкнуть к нему. Он слышал, как она охнула от боли, и не хотел добавлять ещё больше, начав двигаться слишком быстро. И тут Дженкин почувствовал, что ее руки гладят его по спине, ее маленькие ножки поглаживают его бедра и, что наиболее невероятно из всего – услышал мягкий урчащий звук, который нельзя было назвать ничем иным, как мурлыканьем. Он оперся на локти и посмотрел на Эфрику.

— Я не думаю, что мы уже закончили, Дженкин, — прошептала она, лаская его грудь руками и одновременно обхватывая ногами его сухощавое тело.

— Нет, — прошептал он в ответ. — Еще нет.

Дженкин начал медленно двигаться в ней, наслаждаясь ее теплом. Однако выражение чистейшего восторга на ее лице сводило на нет все его старания сдерживать себя. К его облегчению, Эфрика не спасовала перед возрастающей свирепостью его любовных ласк. Он чувствовал, как ее ноготки впивались в его плечи всякий раз, когда она встречала его толчки с ненасытностью, соперничающей с его собственной. Когда Эфрика выкрикнула его имя и её стройное тело забило в высвобождении, Дженкин почувствовал, как оно впитывает в себя его сущность. И тут ему пришлось изо всех сил цепляться за те немногие клочки оставшегося самоконтроля, которые ему всё же удалось собрать, присоединяясь к ней в этом ослепляющем падении. Он зарылся лицом в подушку, сражаясь с порывом сделать ее своей Парой по-настоящему.

Даже несмотря на наисладчайшее удовольствие, затопившее его, какого он никогда ещё не испытывал, жажда не исчезла полностью. Дженкин повернул голову и нежно поцеловал ее в шею, в местечко, где бился живительный пульс. Он будет удерживать ее в своей постели столько, сколько позволят ему она и судьба, но делать этот заключительный шаг Дженкин решительно не собирался. Не было такой частички в нём, которая не молила бы об этом ритуальном смешивании их крови; он страстно желал вкусить того сладостного эликсира, что давал ей жизнь и оставить свою метку на её прекрасной шее. Наверное, следовало это

предложить, однако, несмотря на желание, которое она так охотно с ним поделила, Дженкин был совсем не уверен, что она захотела бы стать его Истинной Парой.

Уверившись, что его жажда больше не отражается у него на лице, он медленно вышел из нее. Вздох сожаления, который она издала, вызвал у него улыбку, когда он отодвинулся на свою сторону кровати. Дженкин подпер рукой голову, положив подбородок на ладонь, и лениво погладил ее живот, внимательно глядя на Эфрику. Она выглядела великолепно пресыщенной, даже, пожалуй, немного распушенной.

Когда она улыбнулась ему в ответ, вяло откинув спутанные волосы с лица, сердце Дженкина пропустило удар. Он был рад, что она не показывала опасений, но сам он внезапно испытал сильнейшее чувство сожаления, что не является нормальным человеком. Человеком, который мог бы ухаживать за ней, гуляя по саду, который мог бы заняться с нею любовью на заливном солнце лугу. Человеком, который мог бы предложить ей дом, полный окон, а потом наполнить его детьми. Человеком, о котором она могла бы беспокоиться, когда он приходит домой замерзший и мокрый, нуждаясь в ее помощи, чтобы согреться и обсохнуть, и отвести возможную лихорадку. Человеком, который мог бы стареть вместе с нею. Человеком, который не стал бы переживать из-за того, что однажды, неважно как долго живут Калланы, наступит такой день, когда он будет стоять над ее могилой, зная, что впереди его ждут многие, многие пустые, лишённые смысла годы.

Дженкин неожиданно понял, почему у столь многих Чистокровных случаются периоды в их очень долгой жизни, когда они ни с того ни с сего начинают плевать в лицо старухи с косой, безрассудно рискуя испытать на себе те немногие способы, которыми могут умереть. Конечно, могло случиться так, что они стали слишком высокомерными, слишком уверенными в своём бессмертии, но Дженкин подозревал, что по каким-то неведомым причинам жизнь им просто наскучила. Или, как в случае со старым лэрдом, отцом Кахала, который был женат на Посторонней, — они не видели смысла в жизни без своей Пары, в жизни столь долгой, что вполне могли бы обнаружить себя стоящим у могилы своего ребенка, затем своего внука, правнука и так до бесконечности.

Стареть, как это происходит с Посторонними, было пугающе, но Дженкин начал склоняться к мысли, что жить так долго, когда видишь, как на твоих глазах один за другим умирают члены твоего рода — ещё ужасней.

— Дженкин, ты выглядишь встревоженным, — сказала Эфрика, заглушая боль, которую она чувствовала, так и не дождавшись от него слов о любви.

— Я думал о том, что сейчас случилось, любовь моя. — Он поцеловал ее и мягко спросил, — Ты моя любовница теперь? Да или нет?

— Да, — без колебаний ответила она.

Глава 9

— Ну, видимо, ты уже не должна беспокоиться о том, что твой любовник не может сделать тебе ребенка.

Решив, что оставить ведро, над которым она так долго свешивалась, будет уже безопасно, Эфрика, проигнорировав кухню, заползла обратно на кровать. Зарывшись лицом в подушку, она услышала, как Барбара что-то поставила на столик рядом с кроватью. Было очевидно, что Барбаре хочется поговорить. На секунду Эфрика подумала было симулировать обморок, но потом все же осторожно привела своё тело в сидячее положение и облокотилась на подушки, которые Барбара торопливо подсовывала ей под спину. Она хмуро посмотрела на стол, где лежал хлеб, и стояло что-то ещё, что по запаху напоминало горячий сидр.

— Не думаю, что смогу съесть хоть что-нибудь, — простонала Эфрика.

— Ничего, сможешь. Пей маленькими глоточками и кусай понемножку хлеб. Это поможет тебе. — Барбара села в ногах кровати, скрестив руки на груди, и смотрела на кухню до тех пор, пока та не стала делать, как велено. — Время решать, кузина. Я не полностью одобряю то, что ты сделала, однако смирилась с этим. Только помни: то, что ты любишь и хочешь мужчину, вовсе не означает, что он будет тебе хорошим мужем. Как бы там ни было, теперь есть любовь, желание и ребенок.

— Может, это просто рыба, которую я съела вчера вечером.

— Не разыгрывай дурочку. Я подозревала это последние несколько дней и уверена, что и ты думала об этом столько же, если не дольше. Женщины Калланов всегда рано узнают, когда понесли. А если бы кто-то из нас обращал на это внимание, меня бы не удивило, что мы могли бы точно сказать, когда семя укоренилось. Почему хмурый взгляд? Почему нерешительность? Разве это не перечёркивает одно из твоих сомнений, которые у тебя возникали, когда ты думала, почему вы с Дженкином не можете пожениться?

— Перечеркивает.

— И?

— Проклятье, Барбара, он и словом не обмолвился, что хочет меня как свою жену, свою спутницу жизни, свою Пару.

— Ты имеешь в виду, что он не сказал, что любит тебя.

Хлеб и горячий сидр помогли ей восстановить силы, и Эфрика смогла сесть более прямо.

— Нет, не сказал. Мы являемся любовниками вот уже месяц и что же, разве к этому времени он не должен был сказать об этом, если таковы его чувства?

— А ты сама-то сказала ему, что ты чувствуешь?

— Нет, но я полагаю, что мои действия должны сказать ему о многом, или не так? Я была девственницей, благовоспитанной девственницей с богатым приданым, которую отправили сюда, чтобы найти мужа. Я поставила это под угрозу. Да-да, и своё доброе имя к тому же.

— Верно, но мужчины не всегда видят это таким образом. Как говорит мой муж, мужчина считает, что желание — основа всех нужд, и никогда не смотрит на что-то кроме этого. — Барбара слегка покраснела. — Он напомнил мне о том времени, когда думал, будто всё, что меня влекло к нему — это желание, хотя он надеялся и нуждался в большем. И он дожидался, пока я растолкую ему, что это и есть большее, поскольку своему суждению доверять в этом вопросе он не осмеливался.

Эфрика медленно жевала кусочек хлеба. Королевский двор переехал две недели назад, все придворные отправились в путешествие вместе с ним, и теперь муж и дети Барбары присоединились к ней. Это позволило Эфрике не только занять собственную спальню, хоть и маленькую, но и предоставило регулярное проникновение в глубины мужского мышления, которое обеспечивалось сэром Мэтсоном через Барбару. Ее братья за эти годы дали ей некоторое понимание мужчин, но только не в отношении сердечных вопросов. И все же сэр Мэтсон не был Дженкином. Это заставляло Эфрику сомневаться, могла ли она полностью положиться на мнение этого мужчины.

— Эффи, я понимаю, у тебя были причины думать, что Дженкин — не лучший вариант при выборе мужа. Да, и они были серьезными. И все же, когда ты стала любовницей Дженкина, я предположила, что ты изменила свой взгляд, что ты, наконец, знаешь, чего хочешь.

— О, да, изменила. И знаю. Я поняла это тем вечером, когда на Дженкина было совершенно нападение. Я поняла это, когда слушала, как леди Элеонор разливалась о том, каким великолепным любовником был Дженкин, а я стояла и гадала — как она будет выглядеть лысой. — Эфрика слегка улыбнулась, когда Барбара рассмеялась. — И я так же знала это, когда поняла, что он может умереть и спокойно предложила ему взять то, что сможет его излечить. Это было потому, что я окончательно уверилась — я приняла все, чем он является. — Она нежно погладила свой живот. — Только вероятность того, что я никогда не смогла бы зачать от него ребенка, в какой-то степени беспокоила меня, но теперь и это больше не проблема. Что же касается тех моих терзаний по поводу того, что я люблю солнце, а он — человек теней? Ну что же, Дэвид живо доказал, что так говорить — глупо, сказав, что можно просто выйти на улицу, когда солнце соизволит засиять. А тот факт, что он не будет стареть вместе со мной, — вообще-то, женщины Калланов и в возрасте хороши, а любовники редко умирают одновременно. И ещё: есть некоторое утешение в том, что я знаю: он всегда будет рядом с этим ребенком и с другими, если мы будем ими благословлены. Впрочем, он не говорил о будущем или о любви.

— Может быть и нет, но я считаю, что если ты уже не захватила его сердце, то могла бы, если бы захотела этого. Мужчина не может оторвать от тебя ни глаз, ни рук. Он не проявляет интереса ни к одной другой женщине, хотя они по-прежнему преследуют его. И, Эффи, он сопровождал нас, когда двор собрался и двинулся в путь, и мы с тобой пустились рысью вослед. Это не мелочь, разве не так? Такая поездка для него — один из неоспоримых рисков. — Она утвердительно кивнула, когда Эфрика в изумлении уставилась на нее.

— Теперь, когда я думаю об этом, даже Дэвид был, казалось, удивлен решением своего отца последовать за нами. Я беспокоилась из-за этого, но Дженкин просто сказал, что если он смог совершить путешествие из Кембрана до двора, то сможет проехать и от старого двора к новому.

— Но так как Дэвид был к тому времени официально обручен, у него уже не было необходимости продолжать следить за этим, не так ли?

— Нет, не было, — Эфрика встала с кровати.

— Что ты собираешься делать?

— Увидеться с Дженкином, и надеюсь, что смогу набраться смелости и сказать ему кое-что, нечто такое, что дало бы ему стимул или мужество, чтобы заговорить.

— Тебе прямо сейчас надо сделать это?

— Когда-то я должна начать. Не думаю, что эта проблема легко или быстро разрешится. — Девушка вздохнула и покачала головой. — Я хочу это сделать не только ради ребенка, и не только потому, что Дункан будет искать кого-либо, чтобы убить, когда обнаружит, что я беременна, но без мужа, но для того, чтобы мы могли покинуть это место и эти глупые сплетни.

— Ах, дорогая, так ты слышала все эти сплетни, правда? Они вызывают тревогу.

— Больше, чем просто тревогу, кузина. Они опасны. При всей его силе, скорости, хитрости и способности исцеляться в мгновение ока, у Дженкина есть свои слабости. Он может быть убит. Это нелегко сделать, но все же это возможно. Он, без сомнения, может быть представлен, как..., ладно, как особенный. Очень, очень особенный. Все, что Дженкин говорит на это — дескать, подобные слухи всегда шли по пятам за МакНахтонами. А потом он целует меня, и я забываю, о чем мы говорили, — пробормотала она. — Ладно, настало время что-то делать с этим.

— Каким образом?

— Мы обе знаем, кто распространяет эти байки — леди Элеонора, Лаклейн и Томас. Почему кому-то нужно обращать внимание на то, что они говорят, я не знаю, но, возможно, людям нужно напомнить об этом. — Заметив встревоженное выражение лица Барбары, Эфрика спросила, — В чем дело?

— В том, что ты только что сказала — что люди нуждаются в напоминании о том, кто конкретно распространяет эти слухи. Мне следовало подумать об этом. Я имела дело с этими людьми намного больше и дольше, чем ты. Все, что я могу сказать в оправдание своей глупости — это то, что я слишком хорошо сознавала тот факт, что многое из их речей — правда. Не смущающие умы нелепицы вроде того, что он — демон, дьявол или какая-то другая нежить, а вся остальная часть их сплетен. Он другой. Он действительно избегает света. У него действительно бывают глаза, как у волка. Вот это всё.

Барбара покачала головой.

— У меня, конечно, есть некоторые навыки в пресечении разговоров подобного толка. Мы, Калланы, не столь очевидно отличаемся, но и у нас есть несколько своих странностей, однако мне всегда удавалось высмеивать любые пересуды о нас. И все же я рада, что никто не упомянул о его зубах. Их действительно было бы трудно объяснить, хотя у нас был дядя, который дал бы ему в этом сто очков фору.

— Да, я помню его. И ещё хорошо, что никто не задумывался о том, когда он ест и видел ли кто-нибудь это вообще.

— Он вообще ничего не ест?

— Кое-что. Он любит сладкое. Но я не думаю, что пища, которую мы едим, обеспечивает его потребности в питании. Не достаточно, по крайней мере. МакНахтоны нуждаются в крови, но прошло очень много времени с тех пор, как они обращались за ней к людям. К невинным людям, во всяком случае. Те, что пытались убить Дженкина, получили по заслугам, — сурово добавила она.

— Ты действительно его любишь, да?

Эфрика улыбнулась.

— Да, и я думаю, что влюбилась в него ещё с первой встречи. Все те причины, которые я находила для того, чтобы объяснить, почему он не может быть моим выбором, были рождены из страха перед тем, что выбор, в общем-то, уже сделан. Я поняла, что лучше буду жить в сумрачном мире Дженкина, чем в ярком солнечном свете без него. И действительно, без него, сколько бы ни было солнца, оно никогда не согреет холод в моем сердце. — Эфрика пожала плечами. — Я только надеюсь, что он чувствует то же самое по отношению ко мне, или хоть долю того.

— О, я и вправду думаю, что так оно и есть. — Барбара встала и направилась к двери. — Может быть, он знает о тех сомнениях, что у тебя были, и надо показать ему, что их больше нет. Ты приступай к работе над этим, а я начну затыкать все эти опасные слухи.

Все еще раздумывая над тем, что она скажет, чтобы подтолкнуть Дженкина к словам о любви, Эфрика постучала в его дверь условным стуком, который они придумали. Кроме того,

что Дженкин хотел быть уверенным, что не откроет дверь леди Элеонор, которая всё ещё порой пыталась подкараулить его, он предпочитал успеть подготовиться к встрече гостей, не посвященных в его тайны. По крайней мере, успеть убрать свои личные запасы вина, чтобы кто-нибудь ненароком не обнаружил, из чего оно состоит.

Когда Дженкин открыл дверь, из головы Эфрики тут же вылетели все мысли. На нем не было ничего, кроме широкой, слегка развязной улыбки. Он схватил ее за руку, втянул в комнату, захлопнул и запер за ней дверь. Прежде, чем Эфрика успела собрать свои умственные способности, чтобы что-нибудь сказать, он уже целовал ее, а его умелые пальцы стремительно освобождали ее от одежды. Когда он уронил их обоих на свою кровать, она решила, что серьёзный разговор может немного подождать.

В его любовной атаке был такой накал страсти, что это тут же передалось и ей. Вскоре Эфрика начала возвращать ему каждый поцелуй и ласку с тем же пылом, с каким он дарил их ей. Затем, внезапно, сквозь пелену страсти прорвался шок, когда он поцеловал ее прямо в мягкие завитки между бедрами. Звуки протеста, которые она начала было издавать, немедля оборвались, изгнанные удовольствием от столь сокровенного поцелуя. Снова и снова он подводил ее к самому краю своим языком и искусными пальцами, и вновь отступал, пока она не начала дрожать от желания, требуя, чтобы он прекратил свои мучения. Он сделал это, но не так, как она ожидала, — он дал ей разрядку, в которой она так нуждалась, используя свой рот. Эфрика все еще задыхалась от силы оргазма, когда Дженкин почти грубо вошел в нее и поднял ее на вершину во второй раз.

Прошло несколько минут после того, как Дженкин рухнул на нее, прежде чем у Эфрики нашлись силы повернуть голову и посмотреть на него. Как всегда, он лежал, уткнувшись лицом в подушку.

— Ну, я тоже приветствую тебя. — Эфрика слабо улыбнулась, когда он рассмеялся. Дженкин повернул голову, чтобы встретиться с ней глазами, и она покраснела.

— Ох, ну, ...гм, ...разве это не грех?

Он накрыл поцелуем её губы.

— Нет. О, я подозреваю, некоторые священники сказали бы, что это так, но те же священники запросто осудят меня, как приспешника Сатаны и с радостью разожгут костёр, сложенный у моих ног.

Он снова поцеловал ее и поднялся с кровати, чтобы взять кусок полотна и обтереть их обоих.

— Я думала, МакНахтоны верят в церковь и во все такое. Отец Джеймс — МакНахтон.

Эфрику настолько захватила мысль, что некоторые из МакНахтонов могли быть неверующими, что она едва лишь вздрогнула, когда Дженкин бережно обтер ее, а затем забрался обратно в постель.

Дженкин потянул ее за руки к себе, наслаждаясь тем, как она растянулась на нем, и оперся спиной на подушки.

— О, мы верим в бога, любовь моя. Только по отношению к самой церкви и к людям, которые ей управляют, у нас есть сомнения. Мы знаем, что некоторые из них настолько погрязли в грехе, что нам с тобой и за всю жизнь с ними не сравняться. Да, есть среди них те, что имеют истинное призвание и глубокую веру, как у Джеймса. Однако слишком многие из них – всего лишь младшие сыновья, отправленные служить церкви только потому, что не было другого выбора, и теперь они надеются получить власть и богатство, в которых им было отказано по рождению. Пока это не изменится, я позволю себе не доверять им. Не Богу. Только им.

Эфрика кивнула, поскольку и она сама, и многие из ее семьи придерживались подобных взглядов. Если уж они принадлежали к тем, кого церковь незамедлительно осудит, невзирая на то, насколько глубока их вера, было неизбежным, что всё закончится цинизмом. То, что женщины Калланов пострадали из-за их предрасположенности к рождению близнецов, чем вызвали множество темных подозрений, конечно, сделало ее недоверчивое отношение к служителям церкви небеспочвенным.

Чувствуя необходимость избавиться от таких мрачных, тяжёлых мыслей, она поцеловала Дженкина в грудь.

— Значит, если это не грех для тебя – делать это для меня, то и для меня не может быть грехом что бы я ни захотела сделать для тебя.

Дженкин в нетерпении напрягся, когда она начала целовать и ласкать его, скользя вниз по его телу. Он рассчитывал провести весь день, занимаясь с ней любовью, но от того, что она присоединилась к его плану с такой лёгкостью, он чувствовал себя одновременно и радостным, и виноватым. Дженкин вздрогнул от наслаждения, когда она коснулась лёгким поцелуем его вздыбленного члена, и решил, что сможет терзаться чувством вины позже.

Глядя на спящую Эфрику, Дженкин боролся со стремлением залезть обратно в кровать, крепко обнять ее и никогда больше не отпускать. Последние несколько дней он всячески старался придумать, как сказать ей, что уезжает, но каждый раз малодушничал, стоило заглянуть в ее глаза. Он не мог солгать ей или безжалостно оттолкнуть, так что оставалось только улизнуть от нее, словно какому-то воришке. Так будет лучше всего, сказал он себе в который раз. Слухи о нем никуда не делись, наоборот, они становилось всё громче и все

больше людей прислушивались к ним. Если он останется, могут возникнуть проблемы и Эфрика запросто может оказаться в опасности. Пришло время вернуться в Кембран и позволить ей найти человека, который сможет гулять с ней под солнцем в ее мире. Сопrotивляясь желанию украсть у нее последний поцелуй, он ушел, слившись с тенью.

— Эфрика!

Приоткрыв один глаз, Эфрика мысленно поинтересовалась, что Дэвид и Фиона делают в ее спальне. Затем вспомнила, что находится в постели Дженкина и покраснела. Поспешно обернув покрывало вокруг себя, она села.

— Что-то с Дженкином? — спросила она, вдруг найдя присутствие Дэвида зловещим предзнаменованием.

— Да. Он уехал, — ответил Дэвид.

— Уехал? Куда?

— Обратно в Кембран.

Эфрика знала, что как только шок от этих вестей пройдет, ее тут же с головой накроет волна боли.

— Почему?

— Из-за сплетен, гуляющих среди придворных и их дам. Я думал, мне удалось убедить его, что мы сможем бороться с этим, но мне следовало сообразить, насколько он озабочен моей и твоей безопасностью. — Заметив, что Эфрика кинула на Фиону насторожённый взгляд, Дэвид взял руку невесты в свою. — Она знает все о МакНахтонах, Эффи, так что ты можешь говорить при ней без опаски.

— За исключением тех слов, что я имею намерение адресовать твоему отцу, — пробормотала она. — Он даже не сказал «прощай».

— Может быть, он не хотел говорить тебе этого. Он ушел, потому что почувствовал, что представляет опасность для тебя, Эффи, а не из-за того, что хотел бросить тебя. Я знаю, будет трудно заставить тебя поверить мне, но ты — его Истинная Пара.

— И поэтому он оставил меня?

— Да, чтобы сберечь твою безопасность и потому, что чувствует, что не имеет на тебя прав, что он только сделал бы тебя несчастной.

Стараясь обрести ясность мыслей, Эфрика вспоминала интенсивность любовных ласк Дженкина в последние несколько дней. Порой в них проскальзывал намек на то, что он доведён до отчаяния своей потребностью в ней. Барбара была уверена, что Дженкин заботится о ней, теперь и Дэвид подтвердил это. И ее собственные инстинкты говорили ей о том же. Она только

молилась, что не обманывает себя, поверив, что он хочет её, — просто потому, что иначе не сможет вынести ту боль, которая придет, если окажется, что это не так.

— Так он уехал, потому что почувствовал, что эти слухи о нем разрослись настолько, чтобы стать настоящей угрозой?

— Да. Я клянусь тебе, что он ни за что не сбежал бы от тебя, если бы не верил, что это для твоего же блага.

— Ладно, значит, для начала мы должны заткнуть эти сплетни. — Она объяснила, каков был ее план, по которому уже начала действовать Барбара.

— Умно, девушка. А что потом?

— А потом я поеду в Кембран, разыскивать пещеру, в которую забрался твой отец, чтобы вдолбить в его голову хоть каплю здравого смысла.

— Ещё один отличный план, — сказал Дэвид и рассмеялся.

Глава 10.

— Где он?

Не обращая внимания на удивленные лица и не собираясь извиняться за свое столь бесцеремонное вторжение в их большую залу, Эфрика решительно направилась к своей сестре и ее мужу.

На то, чтобы добраться до Кембрана, у неё ушло две недели. Не хотелось слишком много думать о том, что за это время могло произойти с Дженкином. По мере того, как одно за другим возникали разные осложнения, отсрочивая ее прибытие в Кембран, заверения Дэвида об отношении к ней Дженкина постепенно утратили способность её успокаивать.

Эфрике хотелось доверять Дженкину, хотелось верить, что из ее рук он не кинется сразу в объятия другой женщины, однако обетов верности он ей не давал.

— Где кто? — спросила Бриджет.

Несмотря на то, что на лице Бриджет была написана невинная растерянность и непонимание, Эфрика знала, что ее сестра прекрасно осведомлена — «кто». Эфрика подозревала, что Барбара уже успела написать письмо. К тому же, вполне возможно, что и Дэвид написал своей матери. Что сам Дженкин что-либо рассказал, она сомневалась.

— Дженкин, — резко бросила она.

— Я надеюсь, ты не приехала сюда одна, девушка, — сказал Кахал.

— Нет. Я оставила мужчин, которые сопровождали меня сюда, в деревне, — ответила она.

— Дженкин залёг на дно, не так ли?

— Должно быть, он разгневал тебя более чем обычно, раз уж ты преследуешь его даже здесь, — сказала Бриджет.

— Сестра, я действительно не хочу лишать тебя твоего развлечения, но у меня была отвратительная неделя общения с всякими идиотами при дворе. Затем последовала кошмарная неделя дождей, размытых дорог, сломанных колёс, охромевших лошадей и мужчин, бурчащих по поводу девиц, у которых разума не больше, чем Бог дал блохе. Поскольку я и так начала это путешествие не в лучшем настроении, то сейчас балансирую на грани великолепной истерики.

— А-а, спасибо за предупреждение.

— Всегда с радостью. Дженкин?

— В пещерах. С тех пор, как приехал, он укрылся в своей комнате, с головой уйдя в работу.

— Отлично, ему предстоит обнаружить, что можно сбежать от полной решимости девушки из рода Калланов, но спрятаться – нет.

Эфрика проигнорировала дружеский смех Кахала и направилась к выходу, чтобы припереть Дженкина к стенке в его убежище. Ярость несла ее вниз, в глубины Кембрана. Девушка замешкалась лишь на мгновение, когда ступив в большую пещеру, служившую Чистокровным главным залом, обратила на себя их взгляды. Старшая из них, красивая белокурая женщина по имени Агнесс, усмехнулась и указала на дверь в дальнем конце пещеры, окованную толстым слоем железа.

Дойдя до двери, Эфрика подняла, было, руку чтобы постучать, но затем передумала. Она не даст Дженкину шанс отослать ее прочь, заперев перед ней дверь. Эфрика отогнала от себя предательскую, лишаящую решимости мысль о том, что он оставил ее, потому что не хочет и совсем не любит ее, и, что он там с другой женщиной. Потянувшись к дверной ручке, Эфрика услышала несколько одобрительных шепотков, донёсшихся из теней позади нее. Они придали ей сил, чтобы открыть дверь и, шагнув в комнату, хлопнуть ею позади себя. То, как Дженкин подпрыгнул от удивления, чуть ли не свалившись с каменной скамьи, на которой сидел, доставило ей краткий миг торжествующего удовлетворения.

От потрясения раскрыв рот, Дженкин уставился на Эфрику, чувствуя, как от восторга зачастил его пульс. Он не предполагал, что она последует за ним, даже лишь в силу её гордости. Своим появлением она обрадовала его неописуемо, но только пока он совершенно отчетливо не вспомнил причины, по которым ее покинул. Ничто не изменилось. Даже правда, которую он раскрыл о своем наследии, по сути дела, ничего не меняла.

— Значит, вот куда ты приехал, чтобы забиться и спрятаться! — сказала Эфрика, подходя ближе, чтобы посмотреть ему в лицо.

— Забиться? Я не забиваюсь! — Дженкин нахмурился, когда она закатила глаза и скрестила руки на груди. — Девочка, ты ведь слышала перешептывания: разговоры о дьяволе, колдовстве и демонах. Это влечет за собой опасность, которая может задеть всех, кто находится слишком близко ко мне. Да ещё и обостряет зрение тех, кому придёт в голову задуматься о моих друзьях. Ты не можешь рисковать этим.

— Слова, высказанные ревнивой шлюхой и двумя нищими свиньями, которые считают насилие ухаживанием!

— Не важно, кто говорит эти слова, важно, что они возбуждают страхи и суеверия. Когда разжигаются такие чувства, здравый смысл зачастую не смеет поднять головы, пока не будет сметён пепел с подножия столба с приговорённым к сожжению.

Пугающая картина, но это не значит, что она должна претвориться в явь, твердо сказала себе девушка.

— Ты никогда даже не пытался бороться с ложью.

— Как? Постоять под полуденным солнцем?

Эфрика не стала обращать внимания на эти слова.

— Во-первых, стоит начать с тех, кому не нравятся люди, распускающие сплетни. Немногие женщины при дворе питают нежные чувства к леди Элеонор. Да и у Лаклейна с Томасом тоже мало друзей. К тому же, некоторые женщины, конечно, помнят, какой ты живой и теплый. — Она осталась довольна, заметив испуганное смущение, отразившееся на его лице.

— Далее: то, что сына так называемого дьявола, с его хорошо заметной рыжей шевелюрой, довольно часто наблюдали на прогулке вместе с его обожаемой невестой при ясном свете дня — тоже пошло на пользу. И уж конечно, толпа, которая видела, как распростёрся на полу Лаклейн, поверженный маленькой девушкой, легко убедилась, что он и Томас не что иное, как бесхребетные слабаки, которые с помощью лжи, несомненно, пытались скрыть свою трусость и позорное поражение от твоих рук.

— Ты сбила с ног Лаклейна?

Она кивнула.

— Его глумление досаждало мне.

Дженкин смотрел на нее с изумлением. Медленно, он слез со своего высокого сиденья и, сделав к ней пару шагов, остановился на расстоянии фута. Ещё чуть-чуть — и он коснется ее. Казалось, каждая его частичка жаждала снова почувствовать ее в своих руках. Однако это положило бы конец беседе, которой, как он подозревал, предстояло быть интригующей и кое-что прояснить.

— Так ты приехала сюда, чтобы сказать мне, что я не должен опасаться возвращения ко двору? — спросил он.

— Возможно, — ответила она. — Хотя я не пойму, с какой стати кому-то захотелось бы возвращаться в это отвратительное место.

— Эфрика, почему ты приехала?

— А почему ты уехал?

— Чтобы защитить тебя.

— О, неужели? А если я скажу тебе, что у меня проскочила мысль, что ты сбежал не только из-за слухов, — ты сбежал от меня, от нас, и от того, что происходило между нами?

— Может быть, в этом есть доля правды. — Он шагнул ещё ближе и быстрым движением положил палец на её губы, не давая ей ничего сказать. — Я не подхожу тебе, любовь моя. — Поведя рукой, он обратил её взгляд на темную, без окон пещеру, в которой они находились. — Это место, где я живу. Даже, когда я выхожу на поверхность, то только в такие же тёмные места, как это. Ты — существо света, солнца. Я никогда не смогу присоединиться к тебе под ним.

— Это печально, но это не означает, что я не смогу выходить на солнце всякий раз, когда у меня появится на то настроение.

Его глаза вспыхнули слишком знакомым блеском, и когда он двинулся вперед, Эфрика отступила. Несмотря на то, как сильно ей хотелось вновь оказаться в его объятиях, она чувствовала, что сейчас разговор был более важен. Ей действительно казалось правдой то, что говорили ей Дэвид, ее кузен и свои собственные инстинкты — да, Дженкин любил ее, но она должна была услышать эти слова. И Эфрика чувствовала, что очень важно, чтобы Дженкин тоже услышал и понял, что ее былые страхи и сомнения развеялись.

— Мне гораздо больше лет, чем тебе, — сказал он, почти улыбаясь, глядя, как в ответ на каждый его шаг вперёд, она отступала, неизбежно приближаясь к его кровати.

— Правда, и меня, в самом деле, беспокоит, что ты почувствуешь, когда проснёшься однажды утром и заметишь, что я постарела, а ты — нет.

— Это не будет иметь значения.

Ни слова любви или сладостной лести — и все же она поверила ему.

— Ну, по сравнению с прочими Посторонними мы, Калланы, более долговечны.

— Хорошо, тогда дни, отпущенные тебе до окончания жизни, так же станут и моими, во всех возможных смыслах.

Эфрика почувствовала, что ее ноги коснулись какого-то края, но была так поражена его словами, что даже не попыталась удержаться на ногах. Уже приземляясь, она обнаружила, что на пути её падения оказалась мягкая кровать. Приподнявшись на локтях, она увидела Дженкина, который навис над ней, опираясь на руки по обеим сторонам ее бедер. Эфрика

почувствовала, как по её венам растёкся жар, который мог разжечь в ней только он, и поспешно заговорила:

— И я действительно хочу детей, но, если Господь решит, что у нас их не будет, я смогу это принять. У меня есть племянники и племянницы, чтобы любить и заботиться о них. — Эти слова ему необходимо было услышать, и она решительно настроилась похоронить эту тень, прежде чем сказать ему правду.

— Ты просишь, чтобы я женился на тебе, любовь моя? — он удерживал ее пристальный взгляд своим. — Ты действительно готова стать моей Парой?

— Да, Дженкин. Я люблю тебя. Я люблю тебя больше, чем солнце, больше, чем что-либо, — мягко ответила девушка.

Эфрика издала легкий удивленный вздох, когда он притянул ее к себе и поцеловал так, будто изголодался по ее вкусу. Спустя несколько мгновений она уже так же лихорадочно пыталась избавить его от одежды, как и он ее. Дженкин опустил ее на кровать с такой невообразимой нежностью, что это воспламенило ее еще сильнее, и она замурлыкала, с радостью и удовольствием приветствуя его в своих объятиях. Вскоре, от ощущения его плоти рядом с собой, теплоты его губ на коже, от прикосновений его рук Эфрику уже сотрясала дрожь желания. Он удерживал ее, балансируя на самой грани наслаждения до тех пор, пока она буквально не взмолилась об облегчении. Тогда, внезапно, Дженкин оказался там, глубоко внутри неё. Эфрика почувствовала себя разлетевшейся на кусочки. Начиная проваливаться в сладкую желанную пропасть, она ощутила острый укол боли в области шеи и ее оргазм усилился десятикратно.

— Эфрика, — прошептал Дженкин, когда, наконец, к нему вернулись силы, чтобы заговорить. Он поцеловал ее в кончик носа и усмехнулся тому, насколько ошеломленной она выглядела. — Сердце моё, моя Пара, — проговорил он, целуя ложбинку у основания ее шеи.

— Я – твое сердце? — спросила Эфрика, приходя в себя и стряхивая пресыщенное оцепенение, чтобы обвить его руками.

Дженкин улыбнулся, проведя по ее губам своими.

— Да, ты. Ты сомневалась в этом, девочка моя?

— Чуть-чуть, — пробормотала она. — Ты покинул меня.

— Да, чтобы уберечь тебя, позволить встретить мужчину, который мог бы гулять с тобой под солнцем и заполнить твой дом детишками. Я оставил свое сердце и душу в твоих крошечных ручках, любовь моя, но я думал, что так будет лучше.

— Ну, ты был не прав.

Прежде чем он смог ответить, в дверь постучали, и голос Кахала пробился сквозь толстую древесину.

— У меня здесь священник. Я не уверен, предстоит ли нашему отцу Джеймсу совершать обряд венчания или же бормотать отходную по Дженкину, но у вас есть пять минут, прежде чем я войду, чтобы лично убедиться в том, какой именно обряд потребуется.

Эфрика вслед за Дженкином повторила проклятие, когда они выбрались из кровати и начали торопливо одеваться. Даже, если бы они вышли из комнаты полностью одетые, Эфрика была уверена, что все легко догадаются, чем они только что занимались.

Пяти минут было явно недостаточно, чтобы успеть скрыть припухшие от поцелуев губы, привести в порядок ее растрёпанные волосы и найти что-нибудь, чтобы спрятать предательскую отметину на ее шее.

Когда Дженкин открыл дверь, взял ее за руку и вывел в пещеру, Эфрика почувствовала, как горячим румянцем залило ее щеки. Кахал, Бриджет, отец Джеймс и каждый Чистокровный, находящийся здесь, уставились сначала на нее с Дженкином, затем — на ее шею. Возникшая на секунду абсолютная тишина взорвалась возгласами приветствий и поздравлений.

Эфрика все еще не оправилась от удивления, когда Агнесс и Бриджет потащили ее в комнаты к Агнесс, чтобы попытаться сделать ее внешний вид менее распушенным и более приличествующим невесте.

И только, когда ее уже вели обратно к Дженкину, причесанную, и с украшенными лентами волосами, Эфрика поняла, что ей не высказывали никаких предупреждений, не давали советов и ни о чем не спрашивали.

— Бриджет, разве ты не собираешься сказать что-нибудь? — спросила она у своей сестры.

— Нет, то, что ты приняла решение — понятно и так. — Она встретила хмурый взгляд Эфрики с лёгкой улыбкой. — Метка, Эфрика. Я знаю, наверное, лучше, чем кто-либо другой, что ты никогда не позволила бы ему отметить себя, как свою Пару, если бы не была полностью предана ему — душой, сердцем и умом. Да и Дженкин никогда не отметил бы тебя, как свою спутницу жизни, если бы не чувствовал тоже самое.

Агнесс погладила ее руку.

— Я знаю, тебе, не родившейся среди МакНахтонов, трудно понять, что, когда Дженкин пил от тебя и дал пить тебе, была создана связь, которая никогда не будет нарушена.

Эфрика покраснела, понимая, что все совершенно точно знали, когда была сделана её метка. И тут рядом оказался Дженкин, схватил ее за руку и потащил к священнику. Он выглядел настолько гордым, настолько счастливым, что она отбросила остатки своего смущения. Улыбнувшись ему и встав на колени рядом, она повторила свои клятвы ясным, твердым голосом. Когда Дженкин повторял свои слова, она знала, что он действительно собирается воплотить в жизнь всё сказанное.

Мягкий свет от множества свечей придавал коже Дженкина интригующее свечение, определила Эфрика, пробежавшись пальцами вверх и вниз по его сильней руке. Празднование их брака было лучшим, на что могла надеяться любая невеста и она, вступая в клан, чувствовала себя благожелательно приветствуемой. В своё время брак Бриджет и Кахала вызвал некоторое негодование и возмущение. Но, как она подозревала, каждый их ребенок своим рождением пролил свою каплю воды на тлеющие огни сопротивления внутри клана.

Дженкин подвинулся, чтобы лечь рядом с ней, и приподнялся, опираясь на локоть.

— О чем ты думаешь, любовь моя?

— О том, что Чистокровные, наконец-то, видят, что ваш лэрд был прав: МакНахтоны не смогут выжить, оставаясь сами по себе, внутри своего рода.

Расслабленно лаская ее живот, Дженкин кивнул, а потом вздохнул.

— Любимая, я не говорил тебе этого, чтобы не тешить ложной надеждой, но я не столь чист кровью, как думал. Во мне на одну-две капли больше крови Посторонних, чем я себе представлял. В дни, когда Ночные Всадники терроризировали свои земли, оставляя за собой страх и смерть, некоторые из моих прародителей сеяли также и своё семя. Детей, родившихся от такого союза, обычно выбрасывали, чтобы они умерли, потому что считали их демонами и нечистым порождением дьявола. Но мои родственники некоторых спасли. Эти спасенные были моими предками. Конечно, они женились на Чистокровных, поэтому я не могу сказать, сколько во мне крови Чужих, но ее больше, чем меня понуждали верить. Это, однако, не означает, что я смогу подарить тебе ребенка. Я... —

Дженкин нахмурился, когда она, прижав палец к его губам, заставила его замолчать.

— Это уже и так достаточно очевидно.

Дженкин втянул в себя воздух так стремительно, что закашлялся.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что уже ношу твоего ребенка, — усмехнулась Эфрика, глядя на его оторопелый вид.

— Но ты говорила давеча, как будто опасалась, что не будет никаких детей?

— Я говорила так, потому что должна была дать тебе понять, что для меня это не имеет значения, мне нужно было, чтобы ты в это поверил. Это дитя может быть единственным, которое у нас будет, и я хотела, чтобы ты понял: это совершенно не важно.

Дженкин провёл раскрытой ладонью по её животу и прошептал:

— Ты точно уверена?

— Это, мой милый муж, одна из вещей, которые Калланы всегда знают наверняка. — Эфрика почувствовала, как от слез защипало глаза, когда он с трогательной нежностью поцеловал ее живот. — Ты рад?

— Ох, глупенькая моя девочка. Я был невыразимо рад, когда ты приехала за мной, когда захотела стать моей Истинной Парой. Ребенок? Это – чудо, подаренное Господом, которое приводит меня в настоящее благоговение. — Он притянул её к себе и поцеловал. — Я люблю тебя, мой маленький котенок. Я не заслуживаю такого счастья, но я приму его и буду беречь. Я потрачу свою жизнь на то, чтобы ты никогда не пожалела о том, что стала моей женой, моей Парой.

— Просто люби меня, Дженкин. Это все, что мне нужно. Ну и, может быть, чтобы время от времени ты заставлял меня мурлыкать.

Дженкин засмеялся.

— А как насчёт прямо сейчас?

— Сделай хотя бы это для начала.

Конец.

Уважаемые форумчане и гости сайта World Selena, мы переводим эти книги для Вас! Но, если нами будут обнаружены несанкционированные публикации наших переводов на сторонних ресурсах, то свободный доступ к переводам мы будем вынуждены закрыть.

Этот перевод предназначен для ознакомления, и выкладывать его можно, только на Нашем сайте!

Администрация сайта www.worldselena.ru